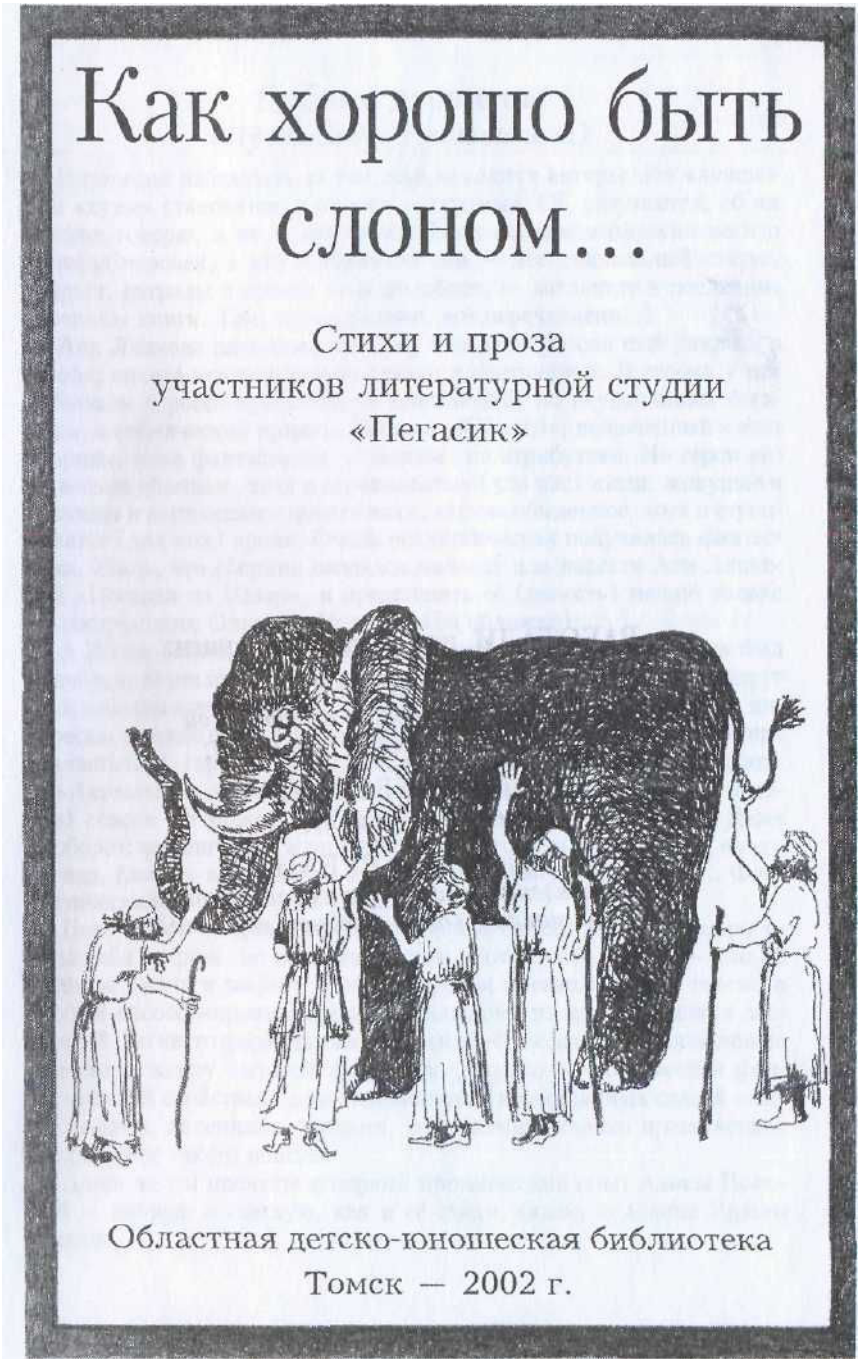
Архив

Как хорошо быть слоном...



РАБОТАЛИ над выпуском книги:

АВТОРЫ
(тексты печатаются в авторской или авторизованной редакции):

Ольга СУББОТИНА
(иллюстрации);

Александр РУБАН
(составление, грамматическая правка, набор, макет, компьютерная вёрстка).

Добрые перемены

(Предисловие составителя)

Интересно наблюдать за тем, как меряются авторы. Не «лучше» или «хуже» становятся, а просто — другими. (Я, разумеется, об их текстах, говорю, а не о личностях. Если же вам интересно не что написал человек, а кто и каков он сам — его социальный статус, возраст, награды и прочее тому подобное, — загляните в последние страницы книги. Там, в содержании, всё перечислено...)

Аня Ляпкова пять-семь лет тому назад, когда она ещё училась в школе, писала исключительно сказки и фантастику. В героях у неё побывали и робот-пришелец, и хвастливый, но неудачливый богатырь, и космический принц... Рассказ «Юбилей», включённый в этот сборник, тоже фантастичен — внешне, по атрибутике. Но герои его — весьма обычные, хотя и странноватые (для нас) люди, живущие в будущем и пытающиеся понять наше, весьма обыденное, хотя и странноватое (для них) время. Очень реалистическая получилась фантастика. Жаль, что сборник оказался маловат для повести Ани Ляпковой «Посадка на Иззар», и представить её (повесть) можно только иллюстрациями Ольги Субботиной - (на обложке).

А **Женя Ткачёв**, чей первый законченный рассказ «Письма» был подчёркнуто реалистическим, пройдя через фантастику и сказки, вдруг заинтересовался мифами. Древнегреческими. Но и в мифах ему интересны, прежде всего, взаимоотношения людей: отца и сына, мастера и властителя, героя и толпы. Фантастическая атрибутика «Мечтателя» (крылья из воска и перьев, размышления о пользе и вреде полётов) совсем не мешает ему исследовать психологию героев. Даже наоборот: ограничения жанра помогают автору выявить самое, на его взгляд, главное в поведении человека — его внутренний мир... Фантастический реализм, если угодно.

Поэт **Олеся Головацкая** весьма, на мой взгляд, успешно попробовала себя в прозе, но осталась поэтом. Потому что поэзия — это не наличие ритма и рифм особым образом в организованном тексте, а особый способ мировосприятия, не каждому из нас и не всегда доступный. По чисто формальным признакам её рассказ «Зеркала» можно отнести к жанру бытовой фантастики, но это — поэтическая фантастика. Ей свойственны не столько поиск неожиданных связей между вещами, явлениями, людьми, событиями, сколько нравственное напряжение такого поиска.

Здесь же вы прочтёте и первый прозаический опыт **Алисы Поповой** — добрую и светлую, как и её стихи, сказку о долине Яркого Солнца.

А прозаик и сказочник **Лена Маланина** на сей раз решительно захотела (и смогла) выступить в роли поэта. Наверное, то самое «нравственное напряжение», которое она в себе ощутила, не вписывалось в привычные для неё простые и трогательные сюжеты, потребовало строгой стихотворной формы.

Настя Ануфриева остается, верна поэзии, стихосложению. Но это — фантастическая поэзия, и даже философская: автора всё чаще интересуют именно связи между разными, и, казалось бы, весьма далёкими друг от друга событиями и явлениями.

Лена Шомас принципиально продолжает не писать стихи. А прозаические тексты её остаются, на первый взгляд, такими же, как и были: ироничными, саркастичными, демонстративно антинравоучительными и парадоксальными до абсурдизма. Или абсурдными до парадоксальности. Но это лишь на первый взгляд, который не может не быть поверхностным. Вчитайтесь в её фантастический (!) рассказ — и вы не сможете не задуматься о том, что такое свобода и почём она в нашем, а не в придуманном ею мире.

Эта «великолепная семёрка» уже знакома тем, кто читал предыдущий сборник «Подарок другу», выпушенный областной детско-юношеской библиотекой (ОДЮБ). Теперь семёрка стала десяткой. Великолепия прибавилось за счёт прозаиков (кажется, тоже принципиальных — а, впрочем, посмотрим; ведь человек не может не меняться!)

Ильи Юшковского и **Сергея Гужихина** и очень интересного поэта из Северска **Тани Трифоновой** — новых участников литературной студии «Пегасик» при ОДЮБ.

Добрых им перемен и частых публикаций! Ведь так интересно следить за тем, как автор меняется...

Александр РУБАН,
писатель-фантаст,
руководитель литературной студии при ОДЮБ.

Анастасия АНУФРИЕВА

* * *

В нашем мире за гранью были
Есть шторма, что всегда опасны,
Вихри есть, что не знают бессилья,
Ветры есть, что приносят счастье.

Я лелею лазурь неба,
Я шалю, далеко улетая,
Нет краёв, где бы я не был —
Долетал я далее до рая.

Светлым смыслом мир наполняя,
Я живу всей святостью жизни,
Узы рамок я разрываю,
Неподвластен пыльной отчизне.

Я спасаю и разрушаю,
Но люблю весь этот мир.
На злачёной лире играю
Я — Поэт, Эол и Зефир.

Сотворение мира

Шутя, он создал мир великий наш.
Он Богом не был, не был и святым.
Он в руки взял перо и карандаш,
И лучезарный начертал он нимб.

Взлетел он в небо и над миром новым
Парил, вбирая мир в себя.
И пламя чувства обращал он в Слово,
Людей, благословляя и любя.

Рукою нежной тронул струны лиры,
И лира пела много зим и лет...
Но нет, не Бог создателем был мира,
А лишь поэт.

* * *

Кто мёртв, кто жив — едино всё у нас.
При свете лунном ведь все кошки серы.
Любовь — забытый высший класс,
Освобождение от скверны.

И до смешного просто всё,
Но почему-то не до смеха...
Мы любим говорить о том, о сём,

И в этом — наша главная помеха.

Мы никогда не снизойдём
До очищения какой-то там души.
Таких, как я, упрячут в жёлтый дом, —
Пойди там правду поищи...

Горела Троя, задыхался Рим,
Но был когда-то первый день Помпеи.
Я вам останусь навсегда чужим,
Насколько я в пожарах разумею.

* * *

Я иду по дороге
Той, по которой шли
Гении, шизофреники,
Жертвы и палачи.

Я иду по дороге
Той, но которой шли
Люди, люди, люди,
Задыхаясь в пыли.

Я иду по дороге.
Что там, впереди?
Я иду по дороге...
Жизнь, постой, погоди

* * *

Ах, скольким людям надоела кутерьма,
И сколько лишь о ней сейчас хлопочут.
О дайте каждому сойти с ума —
И так, как сам он этого захочет.

Я не прошу ни воли, ни любви,
Я не прошу ни песни и ни музы,
Но дайте, дайте мне с ума сойти,
Отринув предначертанности узы.

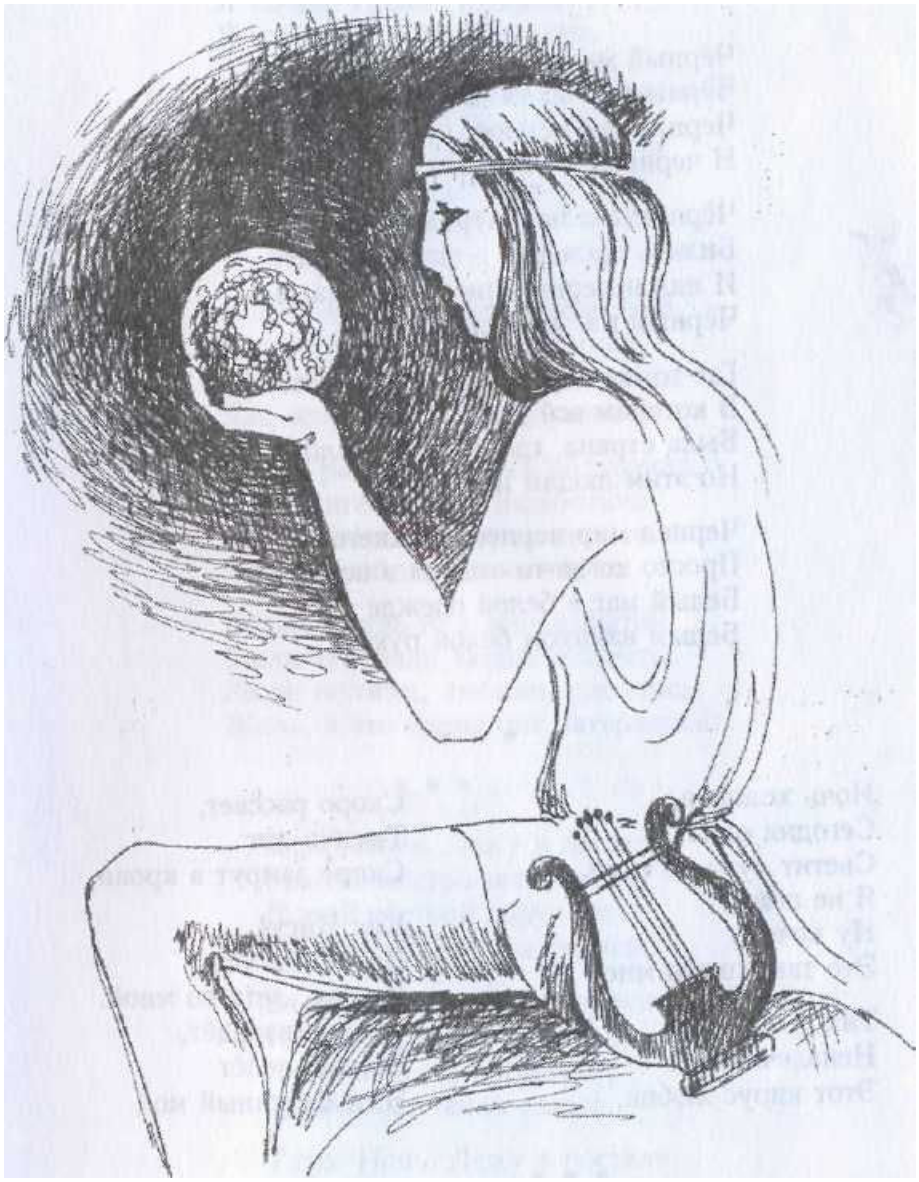
Да, впрочем, если б волю дали нам
И если б люди были всемогущи,
Стояли бы не жёлтые дома,
А грёзы рая — золотые кущи.

* * *

Нет финала творенью,
Есть скитанье... скитанье...
Если нету прощенья,
Есть прощанье... прощанье.

Нет ни света, ни песен,
Есть молчанье... молчанье…
Мир становится тесен,
И душа - не случайна.

Это не конец света,
Это только начало.
Хрупкой лодке поэта
Нет на свете причала



* * *

Чёрный маг в чёрной одежде
Чёрным взмахом чёрной руки
Чернил всё чёрное, что было прежде,
И чернота его спасала мир.

Чёрные скалы с чёрными волнами
Бились насмерть - кто победит?
И над исчерна-чёрными войнами
Чёрный маг в черноту летит.

Где-то, за царством чёрного мага,
В котором всё решала ночь,
Была страна, где чёрного мало,
Но этим людям не помочь.

Чернел мир чернее прежнего.
Просто когда-то сыграл в поддавки

Белый маг в белой одежде
Белым взмахом белой руки.

* * *

Ночь холодна,
Сегодня одна.
Светит луна во тьме.
Я не пойму,
Ну почему
Это так близко мне?

Тихо, молчи.
Неизлечим
Этот вирус любви.

Скоро рассвет,
Тысячи лет
Скоро замрут в крови.

Как Иисус,
В небо несусь.
Что же, лети со мной.
Солнце взойдёт
Кончит полёт –
Этот безумный мой.

* * *

Я — сон, я — тень,
Я — призрак забытой ночи.
Я сама не знаю, кто я теперь,
Но жить больше нет мочи.

Забыта любовь, забыты друзья.
Никто вспоминать не хочет.
Я ничья. И сама не своя
В мире, где жить нет мочи.

Но, может, здесь будет когда-то рай
И станут светлее ночи.
Ты лучше, пожалуй, не умирай
В мире, где жить нет мочи.

* * *

Время оваций, время нашествий,
Цивилизаций и сумасшествий.
Время забытых азбучных истин,
Час демократов и коммунистов.

Время рабочих, время колхозниц,
Интеллигентов и домработниц.
Только когда-то кто-то кого-то
Просто любил, шепча что-то...

Только когда-то в веке забытом
Были все люди людям открыты.
Люди шутили, любили, смеялись.
Жаль, в это время они затерялись.

* * *

Тихо. Ночь. Лежу в постели,
Мысли быстро понеслись.
В этой пестрой карусели
Ты попробуй — разберись.

За квартиру... Образ детства...
Книги Ильфа и Петрова...
Я душой хочу согреться,
Только нет тепла такого.

Тихо. Ночь. Лежу в постели,
Мысли вдруг оборвались,
Словно песню не допели...
В голове одно: держись.

Тихо. Ночь. В бесшумном мраке
Тренируя силу скул,
Выли на луну собаки.
Человек давно уснул...

* * *

Чистотой колокольного звона,
Незапятнанностью кандиды
Шёл безумный земной влюблённый
И любовь свою ненавидел.

В темноте отдавались шаги
И сейчас же в ней пропадали.
В том, что будет, — не видно ни зги,
То, что было уже, — не искали.

И безумным походом слоим
Он дошёл до самого неба.
Он любил... Он любил!.. Он любил.
И несчастным пока не был.

* * *

Пегас дряхлеет. Умирает свет,
И на бумаге строки без значенья...
С улыбкой горькой на лице поэт
Пытается понять стихотворенье.

И голову ломают девять муз,
И Аполлон понять его не может.
За прозу я, наверное, возьмусь,
А все стихотворенья уничтожу.

Пегас дряхлеет. Умирает свет,
И отчего-то вдруг мороз по коже...
Никто на свете, даже сам поэт

Понять стихотворение не может.

* * *

Серебряная капелька росы
Скользит по изумрудному листу,
И ты отпустишь рукоять косы,
Глотая жадно неба красоту.

Из леса веет лёгкий ветерок,
И старый пень стоит у края сенокоса.
О, как прекрасен чудный мотылёк,
Он даст ответы мне на все вопросы.

Олеся ГОЛОВАЦКАЯ

Зеркала

(Рассказ)

Когда-нибудь я разобью их все...
Павел Лобанов.

Первое, что она увидела, когда появилась на свет, было лицо. Большое, обмякшее, отливающее искристым солнечным светом на фоне белесой косынки. «Это девочка», — сказало лицо, улыбнулось и растворилось в тумане таких же потускневших белых стен. «Непонятно…» — подумала она и закрыла глаза. За долгие месяцы, проведенные в темноте, она привыкла так делать, если чего-то не понимала. Тогда это сразу переставало её волновать...

Когда она снова очнулась, вокруг было уже множество лиц, что было еще непонятнее. Но снова закрывать глаза она не решилась: вдруг потом их станет ещё больше? Поэтому сочла нужным разобраться с лицами сейчас же. А те мельтешили, исчезали и появлялись снова, сменяя друг друга, как бумажные обрывки дней в перекидном календаре.

Постепенно она начала их различать. Огромное, неизменно колючее и источающее призрачный сероватый дым, был папа. Он сам себя так называл — «папа». Время от времени он склонялся над люлькой и монотонно бубнил:

— Па-па. Кто к нам пришел? Папа. Да, Виля? Па-па.

— Па-а-а... па-а-а... — слабо выдавливала она из себя, вызывая призывный восторг отца, на который из кухни всегда прибегало другое лицо, маленькое, бледное, с огромными голубыми глазами, в которых постоянно отсвечивала не то грустная радость, не то радостная грусть.

— Ма-а-а... ма-а-а...

Мама привычным движением склонялась над кроваткой и повторяла одни и те же слова:

— Мама, мама. Спи, моё солнышко. Спи, моя сладенькая. Спи, Виленька.

А Виленька — это уже она сама. Она даже знала, как выглядит эта Виленька. Вчера утром, когда папа по привычке пытался срезать со щек непослушные черные чешуйки, он поставил напротив нее зеркало:

— Видишь, Виля, это зеркало. Зер-ка-ло... А в нем кто? Виля. Видишь Вилю?

И, правда, в маленьком, отсвечивающем непонятным, а потому и неприятным светом, зеркале мелькало крошечное пухленькое личико и каким-то пустым, поблескивающим взглядом сверлило её.

— Это ты, Виля. Твоё отражение, понимаешь?

Нет, не понимала она. Ничтожно малое зеркало беспардонно копировало весь большой мир, окружающий Вилю, и, мало того, наглым образом повторяло её саму. Девочка с усилием протянула руку к ненавистному предмету и осторожно положила пальчик на невозмутимое стекло... С обратной стороны нахальная рожица тоже выпятила пухлый розовый палец и ткнула им в Вилю. «Неужели там тоже я?.. — подумала она, отдёргивая пальчик.— Какое холодное! Разве живое может быть таким гладким и таким холодным? Вот у папы на щеках пупырышки. Они горячие. У мамы кожа в трещинках, и они тоже горячие... А это... не понимаю...» Виля резко отвернулась, закрыла глаза и неожиданно для самой себя заплакала. С тех пор она возненавидела зеркала...

А те, как назло, высвечивались на каждом шагу и то прямо, то косвенно требовали к себе внимания... В детском саду молоденькая, постоянно чем-то благоухающая воспитательница Инна Исламовна попыталась зародить в Вале «рефлекс, присущий любой порядочной девушке»: как минимум раз 15 в день озадачиваться фразой «свет мой, зеркальце, скажи...». Банальные домашние обязанности для неё начались с протирания зеркал и привели к тому, что мать ежедневно водила сплющенным пальцем по стеклу, собирая дохлые клочки пыли, и с молчаливым упрёком демонстрировала их дочери. Виля опускала глаза и отворачивалась. Ну не любила она зеркала, не любила...

Куда больше Виле нравилась жизнь, такая кипучая, непредсказуемая и неоднородная. Вокруг неё всегда кишели друзья, бурлили события, разворачивались драмы. Неуловимый сумбурный круговорот новых лиц то и дело ударял ей в голову, и весёлая, энергичная суета зажигала в сердце бешеный адреналин. Она жила и любила жизнь, потому что к ней можно было прикоснуться и ощутить её каждой клеточкой своего тела. Каждый день приносил пёстрый фейерверк чего-то нового, неясного и таинственного, и яркими финтифлюшками конфетти летели по воздуху бумажные обрывки календарных дней...

Он нагрянул внезапно, когда на праздничном, лоснящемся от кремов, торте погасли 13 именинных свечек. В мудрёных научных книгах его обычно называют переходным возрастом, пубертатным периодом и прочими замысловатыми словечками. Однако для Вили он стал просто кризисом — подростковым, если хотите. Когда погасли заветные свечки, и лёгкий серебристый дымок унёс с собою только что загаданное желание, вошла мама с традиционной коробкой, укутанной вызывающе яркими атласными лентами. За столом загалдели ребята, и Виля моментально очутилась у коробки, целуя мягкую и горячую щеку мамы. Бант, ещё бант, узелок... В нос ударяет интригующий запах свежего дерева... Какая-то ненужная тряпка... Расписная узорчатая рама, а в ней тот самый мертвенный холод... Зеркало… Виля ошарашено шарит по углам коробки в надежде найти ещё хоть какую-то маленькую деталь, но пальцы натыкаются на безжизненную прохладу стекла… А вокруг радостно улыбаются лица...

«Почему же я так не люблю зеркала? — Виля безнадежно уперлась взглядом в холодную бесконечность глаз за стеклом. — Да-да, я уже сто раз говорила себе, что в них нет жизни, а есть гладкая, отполированная банальщина и стандартность. Но это не то или, во всяком случае, не совсем то. Ведь есть в них и блеск, и яркость, которые окружают меня со всех сторон...» Подобные размышления всё чаще и чаще начинали занимать Вилю, и по вечерам вместо привычной инстинктивной радости она начала впадать в унылую тягостную задумчивость. Традиционные телефонные сплетни и романтические вечерние прогулки постепенно ушли на второй план, и Виля до полуночи осоловело вглядывалась в зеркало. И странные, загадочные, пугающие мысли вселялись в её голову. Ей всё чаще казалось, что всё, что её окружает, ненатурально, неестественно и нереально...

— Что, если весь этот мир — просто одно сплошное зеркало, отражающее меня? Что, если нет ни любви, ни ненависти, ни людей, ни жизни — ничего? А есть единственное глобальное отражение всего того, что есть во мне: моих чувств, моих мыслей, моих выдуманных героев?.. — Нет, это не правда! — тут же перебивала она сама себя. — Жизнь есть, хотя бы потому, что её можно потрогать, как Алёшкины маслянистые губы, или ощутить, как тепло солнца.

А Алёшка в это время под ослепшим фонарём целовал совсем другую девчонку и радовался тому, что солнца уже нет. Виля как-то сказала ему:

— Мне кажется, мы больше не нужны друг другу.

— Как хочешь, — эхом отозвался он.

— Наверное... я больше не люблю тебя?..

— Наверное... я тоже.

— Тогда, значит, надо сказать «прощай»?

— Выходит, что так.

Виля растерянно подняла глаза. В тонком вечернем полумраке его глаза светились каким-то странным, равнодушно стеклянным блеском.

— Ну... Прощай... тогда... спасибо... что ли... — бессмысленно и бессвязно выдавила она.

— Прощай, — повторил Алёшка и как-то быстро и неряшливо прикоснулся губами к её щеке. Вилю передёрнуло от прикосновения холодных и гладких губ... Она моментально вспомнила своё зеркало...

«Да, да! — стремительно пронеслось в голове. — Все это неправда, мираж, иллюзия, галлюцинация, визуальный обман...» Она бежала по улице в равнодушных отблесках стеклянных фонарей, играющих сотнями цветастых отражений. Лужи ловили её отражение в себе и тотчас снова пропадали во тьме. Дома блестели глянцевыми окнами и тоже отражали,

отражали... Она вглядывалась в лица прохожих и видела только безразличные стеклянные глаза, в которых маячили такие же холодные отражения...

Дома не было никого. Странно, но в такой поздний час квартира была абсолютно пустой. Где-то отдалённо зазвенел телефон, и Виля сорвала трубку.

— Алло, Вилька? Привет!

— Машка..? Привет... — она остановилась в прихожей с трубкой в руке, беспомощно глядя в расползшееся по стене громадное зеркало, — ты чего звонишь... так поздно?

— Ты что, забыла, что ли? Сама ж перезвонить просила...

— Так ты значит пе-ре-званиваешь?

— Arab.

Где-то в глубине зеркала злорадно усмехнулись глаза. Виля отпрянула и уронила трубку. Вся её жизнь разом промелькнула перед ней. Где-то в глубине души отозвалось однажды сказанное мамой «возлюби ближнего своего, как самого себя» и тупою болью прошлось по сердцу. Вспомнилась и любимая фраза Машки «Я тебя понимаю, потому что я человек-зеркало...» Виля прислонилась к стене и сжалась... «Зеркало, всё это зеркало, одно сплошное зеркало...» — мысли тугими верёвочными узлами сдавливали дыхание...

«Весь этот мир неправда!.. Все мы и каждый из нас — зеркало. Зеркало — мама, зеркало — папа, зеркало — Машка, Алёшка... Все зеркало... И я... я тоже зеркало! — холодея от ужаса, Виля запрокинула голову и увидела там, в зеркале, тёплый блеск живых глаз... Она вскочила в исступлении:

— Значит, там и есть настоящая жизнь, живая и тёплая! Тогда я найду выход туда..!

Виля схватила со стола какой-то металлический флакончик и со всего размаху запустила в зеркало... Послышался громкий переливающийся звон, и сотни осколков посыпались на пол, оголяя облупленную стену.

— Выхода не-ет... — послышался «Сплин» откуда-то из-за стены.

— Есть!!! — в истерике вскрикнула Виля. Хватая все, что попадалось под руку, она громила ненавистные, блестевшие вокруг неё отражения, натыкаясь на стену... Вдруг она увидела стекло, которое было много тоньше других и, помимо отражения, таило в себе голубую бесконечность неба.

— Вот оно! — вскрикнула Виля и со всего размаху ударила по нему кулаком... На мгновение её оглушил заливистый перезвон, а потом из освободившейся пустоты на неё ласково повеял свежий ветер. «Нашла... — подумала Виля. — Нашла!»

— Я нашла! — таким же заливистым звоном забренчало внутри. — Нашла! Да здравствует жизнь!.. — и Вавилия шагнула в таинственную пропасть Зазеркалья...

* * *

— И чего это она сиганула? Девятый этаж...

— У, сектонисты - шизофреники проклятые. А моя Машка к ней ещё бегала каждый день!

— Вся в осколках, ты погляди. Должно, об окно зацепилась...

— А из груди-то зеркальный осколок торчит. Он-то как попал?

— А точно из неё выпал... Ты присмотрись...
— Да ничего он не зеркальный. Смотри, не отражает ничего!
— А по виду — зеркальный... Просто не отражает почему-то!
— Где же ты такое зеркало видел?..
— А ты взгляни! ...
— И точно. Просто мистика какая-то...

Весенняя несуразица

Солнце стекало из облака в облако,
Брызгаясь пеной прозрачного отблеска,
Ветер своровывал птичьи трели
И затыкал их в оконные щели,
Чапали толпы чумазых прохожих,
Радостно щуря счастливые рожи,
И громыхала походкой весенней
Муза, таща за собой вдохновенье.

Ностальгия

посвящается Л. М.

Лазурные глазки, мечты нараспашку,
Эмоции льются со стержня в бумажку.
Блаженна душа в первозданной утопии –
От истин нетленных живительный опиум.
И грезятся сказки святому романтику,
Он дни собирает, как пёстрые фантики.
Счастливый малыш, насладись своим чудом,
Из детства никто его вновь не добудет.

Нищенке

Бессилье старости.
Осколки памяти.
К какой же пакости
Пойти на паперти?

Пред чьим же чучелом
До боли кланяться,
Стыдливо мучиться
И громко плакаться?

Крутилась белкою,
Пахала лошадью...
Теперь с тарелкою
Сгнивай на площади?

Россия-матушка
И Ленин-батюшка,
А где же славушка?
А где же правдушка?

Повторения

Мы опять в объективе разлуки
И под зорким прицелом измены,
И опять круговая порука
И повтор неисправной системы.

И опять беспардонная совесть
Выдвигает свои теоремы:
Наша жизнь не глобальная повесть,
А повтор неисправной системы.

Я совсем не твоя Афродита,
Ты не мой идеал супермена...
Лабиринт тошнотворного быта
И повтор неисправной системы.

Нам бы высказать душу друг другу,
Нам прорваться б из этого плена,
Но судьбы беспощадные руки
В сотый раз нажимают: «отмена».

Сумасшедшее

Разум без рассудка — это ничто,
а рассудок и без разума — нечто.
Г. В. Ф. Гегель

Пламенные линии заката
Полосуют небо, как кометы...
Я сегодня девочка с приветом,
Ты побудь со мною психопатом.

Разорвем небесные преграды —
Пусть заскачут звезды по обоям,
В шоколадно сумрачной прохладе
Небо выпьем вместе голубое.
Распинаем тучи с громыханьем,
Бегая по облачным пескам,
И волшебным лунным изваяньем
Нарисуем сказки городам.
Пусть всю ночь сияют без опаски
Из тягучей вязкой темноты
Нарисованные ярко-лунной краской
Белоснежно светлые мечты...

Пламенные линии заката
Завязались в узелки рассвета.
И опять квадратные таблетки.
И опять в смирительном халате.

Сергей ГУЖИХИН

(Фантастические рассказы)

Всё сначала

Шел 10812 год по старому летосчислению, то есть, 7273 год новой эры. Человечество стало всесильным. Казалось бы, столько нерешённых проблем, к примеру, путешествие во времени или сверхсветовая скорость, но в 5011 году была изобретена машина времени.

В 123 покончено с войнами, в 4835 изобретён сверхсветовой двигатель, способный развивать скорость в 1000 раз превышающую скорость света.

А в 6832 году был установлен ТДД — Телепорт Дальнего Действия, способный переносить в любую точку селенной. Все проблемы были решены. Исчезли болезни, человечество стало бессмертным. Была обследована вся бесконечная Вселенная, но других цивилизаций не было обнаружено, кроме примитивных форм жизни.

Винсент зевнул — до чего же скучны, стали эти голографические фильмы! Сходить, что ли, в Центральный парк, пострелять по динозаврам, или переместиться во вчерашний день? Пожалуй, лучше в парк.

Для своих двух тысяч четырёхсот двенадцати лет Винсент имел хорошее здоровье, впрочем, здоровье всех землян было одинаково, кроме тех, кто решал развлечься по - древнему — облучался специальными дозами радиации или прививал себе какую-нибудь болезнь, от простуды до радикулита. Но Винсент не был приверженцем таких древних и устаревших развлечений.

Внезапно в комнате материализовался образ пожилого человека в новейшем костюме. «Спларфоны, на которые передавался образ человека, были устранены уже давно. Теперь вместо них каждый человек способен вызвать свой образ в любой точке Вселенной. Причём, этот образ тоже был способен слышать и говорить».

— Привет, старина Вене.

— Ты опять привил себе одышку? Раньше я не замечал в тебе таких склонностей к старине, — неодобрительно покачал головой Винсент.

— Мир скучен. Хоть какое-то развлечение. Человек уж подобен Богу. Чтобы найти подходящее дело, нужно пожить в шкуре первобытного предка.

— Надеюсь, ты это не серьёзно.

— Шутка. Да, кстати, о предках. РВПО обещает нечто небывалое. На планете Нор-Станонг 5 в шесть вечера состоится голографический фильм — вернее, нечто лучше. Говорят, что люди будут играть предков. Им выдадут первобытные орудия и напустят на них механических тигров. Надеюсь, ты знаешь, кто такой тигр. Древнее животное. Идёшь?

— Конечно!

На планете Нор-Станонг 5 собралось всё население Земли, включая женщин и детей. Винсент вдруг увидел в толпе своего старого друга, техника Алонга, и сказал: «Привет, Алонг! Ты разве не будешь следить за испытанием?»

— Нет. Всё выполняет Главный компьютер. Мы должны были сделать это ради человечества...

— О чём ты? — спросил Винсент, но тут раздался мерный голос Главного компьютера:

— Люди, вы запомните этот день. Испытание началось!

Вдруг шаттл оторвался от земли и скрылся в космосе. На шаттле находились Главный компьютер и телепорт, с помощью которого люди могли вернуться на Землю. Раздались крики ужаса и негодования.

Раздался треск, и из кустов выбежали два белых тигра... настоящие!

Цивилизация дала новый виток. Жизнь началась сначала!

Ученик

Сарроун шёл по древнему замку, построенному ещё до Светлой Эпохи. Многие слуги с завистью смотрели на него — ещё бы, его принял в ученики мастер Далмон!

С древних гобеленов на него скалились твари и монстры, побеждённые в битве при Калтанере. Сам Далмон почему-то сразу не понравился Сарроуну, но он хотел стать магом и увидеть другие миры. Сарроун постучал в дверь.

— Входи.

— Доброе утро, учитель.

— Действительно доброе! Сегодня мы перейдём от теории к практической магии. Проходи.

Сарроун вошёл в комнату.

— Ты прочитал «Составление заклятий»?

— Да, мастер.

— Отлично! Как составлять иллюзии?

— Одна ступень, поддержка разумом, возможный самостоятельный переход одной формы в другую при самоподдержке.

— Хорошо. Теперь сотвори иллюзию дождя. Сосредоточься, сконцентрируй силу, как я тебя учил, и выпусти её, ощути дождь. Теперь заклятие — алхаир, дабазарн...

— Алхаир, дабазарн, тхелоо, нгорал, аутур.

Из появившегося облачка полился дождь. Не долетая до плит пола, он исчезал, и звука не было слышно, но от ученика этого и не требовалось.

— Получилось, мастер!

Со временем Сарроун начал проходить материальные заклятия, а потом и боевую магию. После защитной и астральной магии Сарроун выучил все двадцать типов заклятий, пятьдесят подтипов и три формы поддержки заклятия. Тогда пришло время для магии Фоланграндa, Салодаранта и сложной пятиступенчатой магии Ормиртона. После он самостоятельно изучил магию эльфов, гномов и магию орчьих шаманов.

Его любимым заклятием было травяное море, способное опутать целое войско и, по желанию Сарроуна, отпустить или задушить. Занятия по исцелению Сарроуну тоже нравились, и через некоторое время он мог вылечить почти, что убитого человека.

Он обучался уже два года, а Далмон продолжал доставать с полок библиотеки тяжёлые фолианты и свитки.

Последним разделом была высшая магия. Она оказалась очень трудна. Приходилось чертить диаграммы и запоминать бесчисленные древние слоги, потому что управлять ВЫСШЕЙ МАГИЕЙ с помощью одной лишь мысли было невозможно.

Однажды в библиотеке Далмона Сарроун искал книгу по высшей магии Халуора Тонгасского. И вдруг он увидел призрачные очертания людей. Как и советовал Ассонгарион, Сарроун сотворил заклятия призрачной зашиты. Духи исчезли. Об этом случае Сарроун ничего не сказал Далмону.

Наконец настал день посвящения.

Далмон торжественно вручил Сарроуну его посох.

— Я сразу заметил твой Дар, способность к магии — называй, как хочешь. Твои способности почти полностью раскрыты. Я бы мог обучать тебя ещё, но у меня нет времени.

— Какого времени?

— Моего.

Внезапно Далмон открыл свой истинный облик. Сарроун попытался закрыться магическим щитом, но от страха у него ничего не получилось.

— А ведь ты так и не стал настоящим магом, — с грустью заметил демон. — Будем надеяться, что твоей силы хватит.

К оцепеневшему Сарроуну метнулся пучок молний, высасывая его силу, его Дар. Через несколько минут бездыханное тело рухнуло на плиты.

На следующее утро Далмон взял нового, тридцать второго ученика.

Анна ЛЯПКОВА

Юбилей
(Рассказ)

Сумасбродная идея появилась у Галины неожиданно, и Павлу не сразу стали заметны симптомы надвигающихся неприятностей. Галина делала вид, что всё идёт как обычно. Первым делом она по привычке отчитала домработника за то, что не стёр пыль с тумбочки. Таким образом, она вот уже третью неделю ненавязчиво намекала Павлу на то, что пора бы прекратить позорную эксплуатацию жены на домашних работах и купить ей новую модель робота-уборщика, которая вот уже месяц как появилась на прилавках магазинов, вся такая блестящая и красивая. Павел имел неосторожность заметить, что цена у этой самой модели наверняка тоже великолепная и именно потому означенная модель столько времени пылится в магазинах вместо того, чтобы переместиться в дома честных граждан. После этого Галина, не говоря ни слова, грохнула перед ним тарелку с ужином и, демонстративно сделав вид, что потеряла к мужу всяческий интерес, принялась нежно уговаривать своего любимца — невероятно ленивого кота Пушка — прийти попробовать сливок. Павла такой поворот дела вполне устраивал — по крайней мере, он мог, наконец, поесть. Галина так и не склонила Пушка на отважный шаг — дойти до кухни даже ради замечательных сливок, и уселась напротив мужа, в подозрительном молчании наблюдая за тем, как азартно он поглощает ужин. Растерявший бдительность Павел принял её молчание за продолжение демонстрации Галининого протеста. В подобном заблуждении он пребывал, пока Галина не вздохнула и как бы, между прочим, не сообщила:

— Робот-уборщик вчера дымиться стал. Я его и включать-то боюсь. Живём, как в древности — в пыли и антисанитарии!

Павел, наконец, поперхнулся и с запоздалым подозрением уставился на супругу.

— Это ты к чему про древность? — спросил он настороженно. Помнится, в прошлый раз, когда Галина завела подобный разговор, всему семейству Обычновских пришлось целую неделю плутать по заповедному лесу Яриды, потому что гид и руководитель похода неожиданно для себя заблудился, на рацию наступил неосторожный медведь, оказавшийся, к счастью, не буйным и поленившимся гнаться за туристами больше километра, а ракетницу, предназначенную для экстремальных ситуаций, в первую же ночь разрядил Мишаня (к счастью, рация тогда ещё работала, и срочный приезд спасателей удалось отменить).

— А! — как бы спохватилась Галина. — Я тебе ещё не говорила разве? У меня бабушка отыскалась. Двоюродная. Я сегодня рекламу по визору смотрела: опять про это Сиреневский Музей Истории Двадцатого века, который самый знаменитый и всё такое. По визору туда каждый день приглашают. Познакомиться с историей родной планеты, и всё такое... Так вот, смотрительница там — моя двоюродная бабушка, которую я не видела с самого своего рождения. Так что мы просто должны съездить на этот юбилей!

— На какой ещё юбилей?

— Да бабушкин же!.. У бабушки юбилей. Ей сто двадцать лет исполняется — такая дата! Мы просто не можем пропустить этого. Съездим на выходные в Сиреневек, поживём в музее... как раз с историей познакомимся...

Перед Павлом, наконец, вырисовалась завершённая картина Галининого замысла во всей его масштабности. Он отодвинул от себя тарелку с недоеденным картофелем, и некоторое время помолчал, собираясь с силами для обороны,

— Ты же говоришь, что бабушку с рождения не видела. Как же ты узнала, что это твоя бабушка, да ещё двоюродная?

— Так по визору же показывали! Её, крупным планом. И внизу большими буквами: Елена Степановна, смотрительница Сиреневского Исторического Музея... О ней даже репортаж сделали. Представляешь, живёт в музее и всем посетителям предлагает такое удовольствие — несколько дней провести так, как жили люди в двадцатом веке. Ну прямо совсем, как тогда: без визоров, без телепортов и даже удобства во дворе. Ну что за

замечательный человек эта бабушка! Я ей сразу и позвонила. Саму её, правда, не застала — она уехала на конференцию в Москву. Но я выяснила, что эта Елена Степановна — та самая Елена Степановна, которая и есть моя двоюродная бабушка. И, представь себе, у неё юбилей! Я ей переслала записку, что мы приедем на выходные. Так что мы уже просто не можем отказаться. А что плохого? Да, жить в Музее — это несколько необычно, но ведь это для пользы. И потом, ведь это интересно — узнать, как жили наши предки...

— Ну да — особенно касательно удобств во дворе, — хмыкнул Павел. Галина поняла, что ей не удалось преодолеть скептицизм мужа.

— В конце концов подумай о сыне, — с нажимом сказала она. — Ему не помешает узнать из истории ещё что-нибудь, кроме даты первого виртуального футбольного матча...

В этот момент супруги услышали гудение телепортационной рамы, и в коридоре объявился всклокоченный Мишаня в мятом костюме, кепке набекрень и с сумкой, болтающейся на обрывке лямки. Кому-то уже недоступному Мишаня всё ещё демонстрировал язычок. Одним рывком скинув с себя и кепку, и сумку, и не зашнурованные по последней моде ботинки, Мишаня вихрем ворвался на кухню и бодро поинтересовался:

— Ну что, когда едем? Это будет гиперкруто! Мне все пацаны завидуют. Даже собираются своих уломать — в Сиреневек податься.

Павел понял, что Мишане Галинины планы уже известны. Более того, сын полностью их поддерживает и считает дело решённым. Павел заподозрил причину, по которой сын, недавно снова забросивший ленивого Пушка на соседский балкон, получил с утра кусок торта с чудовищного размера кремовыми цветами... Оказалось, что Мишаня уже всем друзьям рассказал, что едет к бабушке, которая живёт в пещере, ест грязными руками и не чистит зубы — в общем, всё культурно, как в древности. Друзья Мишани, разумеется, обзавидовались и потому — чтобы окончательно их не расстраивать — сердобольный Мишаня пообещал привезти им в качестве сувениров по зубу ручного бабушкиного мамонта.

— У неё ведь есть мамонт, правда? — на всякий случай всё же решил уточнить сын. Галина с укором взглянула на Павла — словно он, Павел, виноват в том, что Мишаня думает о ни в чём не повинной бабушке (уважаемом, между прочим, человеке) невесть что, и теперь, чтобы реабилитировать достойную старушку, они просто обязаны совершить эту поездку в Сиреневек. Собственно, Павел и сам обнаружил существенные пробелы в историческом образовании собственного отпрыска. Пришлось разочаровать Мишаню, что хотя бабушка действительно очень стара, но мамонты всё же вымерли чуть-чуть пораньше, чем она смогла приручить хотя бы одного из них. Мишаня, в прочем, особо не расстроился, хотя и посетовал на невезучесть своих друзей.

В общем, поездка состоялась. В субботу телепорт доставил оживлённое семейство Обычновских (включая ненаглядного Пушка, которого Галина ни за какие деньги не пожелала доверить необязательным соседям и бездушному роботу - домработнику — тем более устаревшей модели) на Сиреневский вокзал. Галина решительным шагом направилась на остановку аэромобилей.

— А что, телепорта там нет? — спросил Павел мрачно. Галина энергично замотала головой, отчего Пушок едва не свалился с её плеча.

— Вот ещё. Говорят же тебе: всё, как в двадцатом веке. И доставить нас туда должны так же, как в двадцатом веке... Вот!

— Ух, ты! — вырвалось у Мишани. Они остановились у странного аппарата устрашающего вида. Этот механизм, видимо, был предназначен для передвижения, поскольку был оснащён четырьмя колесами. И, скорее всего, Галина имела в виду именно это чудо древней техники, когда утверждала, что их доставят в Музей, «как в двадцатом веке»...

— Да это же «Москвич»! Я такой в учебнике на картинке видел, — радостно сообщил Мишаня. — Просто космический улёт! Мы на нем что, так вот и поедем, серьёзно?

В этот момент под «Москвичом» наметилось какое-то шевеление. Галина поспешила сделать шаг назад. Из-под «Москвича» появились сначала ноги в пыльных ботинках и грязных брюках, а потом уже полностью выбрался крепкий дядька с ящичком, в котором громыхало что-то металлическое.

Дядька без особого интереса оглядел все семейство и заявил:

— А в Музей по-другому не возят. Только он закрыт, Музей значит. Так что сегодня вы туда не попадёте... Если, конечно, вы не те самые родственники, о которых Елена Степановна предупреждала...

— Не знаю насчёт тех самых, о которых, — сказала Галина, — но родственники уж точно.

На дядькином лице обозначился интерес.

— А-а — протянул он. — Так это совсем другое дело. Тогда, конечно, сейчас и поедем. Вот только инструменты уберу...

Мишаня был просто в восторге. Галина не подавала признаков беспокойства, пока не обнаружила вдруг, что дядька вовсе не гид, как она ожидала, а самый настоящий водитель этого самого «Москвича». И он будет его абсолютно по-настоящему вести, поскольку «Москвич» не оснащён ничем, хотя бы отдалённо напоминающим автопилот. В Галине, наконец, пробудился глас здравомыслия, и она на всякий случай поинтересовалась:

— А это безопасно?

— Обижаете, — отмахнулся дядька-водитель. — Всё будет высший класс. Это вам не телепорт, прокачу с ветерком — успевайте только, но сторонам смотреть... Короче, всё натурально, как в двадцатом веке.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы удовлетворить наивный Галинин глас здравомыслия. Павел попытался, было возражать, напоминая статистику аварий, произошедших из-за отключенного автопилота. Водитель обиделся и сообщил, что он профессионал. Павла это вовсе не успокоило. Но Галина и Мишаня уже разместились в «Москвиче» и уходить, разумеется, не собирались. Павел довольствовался тем, что прогнал Мишаню с переднего сиденья и заставил всех пристегнуть ремни.

— Ну, поехали, что ли... — предупредил водитель. — Эх, что за поездка будет! Незабываемая поездка, помяните моё слово. Ещё ни один клиент, значит, не жаловался.

Поездка действительно оказалась незабываемой. Столько разнообразных впечатлений сразу Павел не получал ещё никогда. Оказалось, что на дороге встречается поразительное количество ям и колдобин, каждой из которых злосчастный «Москвич» норовил уделить внимание. Водитель словно ничего и не замечал.

— Музей — он за городом расположен. Чтобы ничто не мешало погрузиться, значит, в обстановку двадцатого века. Без отвлечений, значит... — сообщил он дорогой, считая, видимо, скучным сосредоточиться на одном только управлении.

— А есть где-нибудь по пути магазин, где продают бытовую технику? Мы с мужем собирались купить робота-уборщика... — спросила Галина, словно только теперь спохватившись. Однако Павел без труда понял, что этот ход подготавливался женой давно и тщательно и был рассчитан на внезапность. Но на этот раз он был начеку и моментально отреагировал:

— Ничего себе, заявочки. Мы только на Музей договаривались... Вот, кстати, в двадцатом веке не было никаких роботов-уборщиков — и ничего, справлялись.

— Как это не было? — возмутилась Галина. — Что же они, вообще дома не убирались? Разве можно обойтись без робота-уборщика?..

— Можно, — произнёс водитель. — В двадцатом веке на то куча всяких других приборов была. В каждом доме, значит, для одной только уборки, сколько всего, я уж не говорю о том, что на кухнях творилось...

— Вот, — назидательно сказала Галина мужу. — Видишь? Даже в двадцатом веке муж заботился о жене — покупал ей, между прочим, много разных приборов. А ты одного робота-уборщика для меня пожалел!

— Ну, правильно, — хмыкнул Павел. — Потому что все их приборы вместе взятые вряд ли стоили половину того, что стоит этот твой уборщик.

Галина возмущённо засопела, подыскивая подходящее возражение. Но тут, к счастью для Павла, вдали появилось невысокое здание, больше всего похожее на коробку из-под обуви с окнами и дверью. Галина тут же позабыла про робота-уборщика (на время, конечно, но у Павла появилась возможность передохнуть).

— Это что, и есть Музей? — поинтересовался Мишаня, которого уборка вообще мало интересовала.

— Он самый, — подтвердил водитель. — Приехали... Да, Елена Степановна просила извиниться. Её срочно вызвали на орбиталку с утра. Она будет попозже. Я вам пока тут всё покажу, так что не заскучаете.

— Как-нибудь дождёмся, — оптимистично подтвердила Галина. И действительно — в музее было много всяких интересностей даже без бабушки. Водитель остановил «Москвич», и Павел, наконец, выбрался наружу. Они прошли к входу по дорожке, вдоль которойтянулись две пышные клумбы, накрытые защитными куполами. Водитель толкнул дверь плечом и предложил гостям войти.

Внутри все было обклеено узорчатой бумагой, выстлано пыльными коврами и уставлено угловатой громоздкой мебелью. В комнатах обнаружилось много бьющихся и, самое главное, не особо нужных вещей.

— Вот здесь у нас зал, значит, для приёма гостей. Вот это — телевизор, что-то вроде наших визоров. А вон там...

— Подумать только, даже стулья из дерева, — заметила Галина поражение - Надо же... И всем хватало?

— Хватало, из дерева ещё и посуду делали, и печи им топили, — сказал Павел. — Хотя это и непрактично — слишком хрупкий материал.

Посреди зала обнаружился длинный стол, накрытый клетчатой скатертью. На столе было расставлено множество разной посуды и пустых вазочек — видимо, бабушка действительно подошла к предупреждению Галины о своём приезде со всей серьёзностью.

— А вот это, значит, кухня, — продолжал водитель, переводя гостей в другую комнату, меньших размеров.

— Вот кстати, — спохватилась Галина и начала спешно рыться в сумочке, с которой упорно не желала расставаться всю дорогу. Причина вскрылась уже в следующую секунду, когда Галина с торжествующим вскриком извлекла на свет вакуумную упаковку с какими-то розово-серыми комьями.

— Это котлеты, самые настоящие, — объявила она. — Я их еле-еле достала, Вот будет бабушке сюрприз!

— А они для чего? - удивлённо спросил Мишаня. — Косметика, что ли?

— Это еда, — назидательно сообщила Галина. Мишаня озадаченно присмотрелся к комьям в упаковке, пытаясь, видимо, представить себе процесс их употребления по назначению. Лицо у Мишани при этом стало кисловатое. Заметив неадекватную реакцию сына, Галина поспешила с успокоением:

— Они ведь ещё не готовы. Сначала их пожарить надо. Я даже прочитала, как это делается, так что у меня всё схвачено. Мы к бабушкиному возвращению такое устроим!

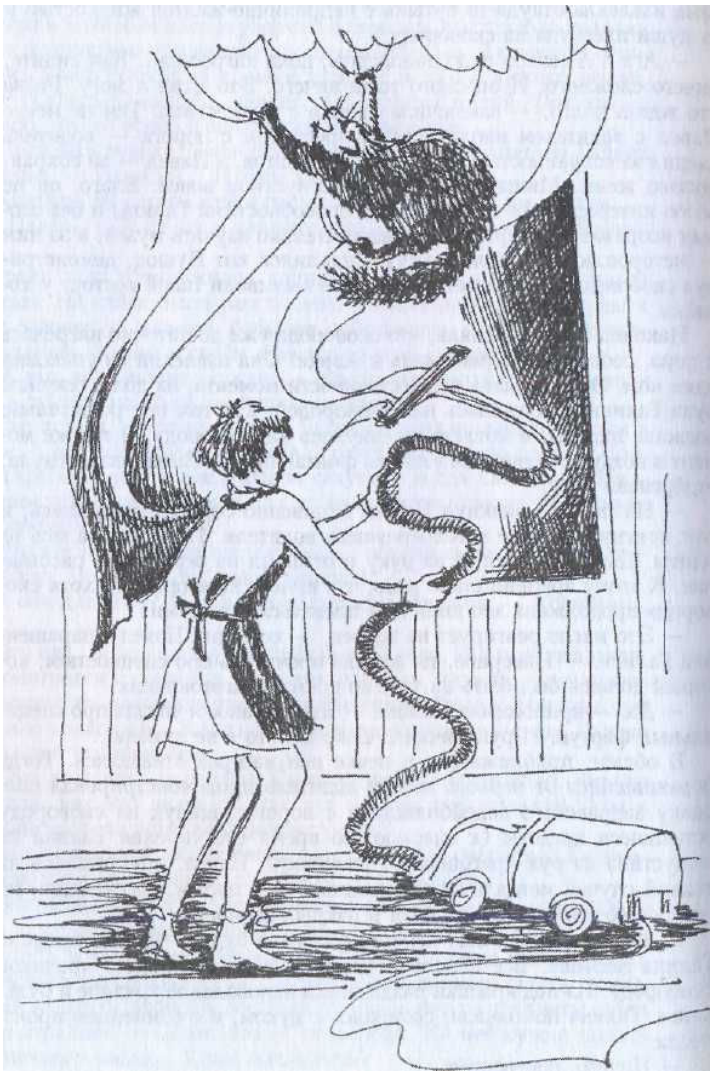
Пока все молчали, осмысливая грандиозность очередной Галининой идеи, сама она развернула бурную деятельность.

— Вот это называется «электрическая плита», на ней, представьте себе, в двадцатом веке готовили. Это вам не пищевой кубик в комбайн сунуть и кашки манной заказать. Тут всё самим нужно делать - без всяких там автопилотов!.. - увлечённо ворковала она, открывая один за другим ящики и доставая оттуда какие-то предметы, один другого страннее. - А вот это - сковорода. На неё нужно полить подсолнечного масла... У вас масло есть?

— Ну... — неопределенно протянул водитель, но Галина уже и сама извлекла откуда-то бутыль с неприлично-жёлтой жидкостью и от души плеснула на сковороду.

— Ага... А теперь надо подождать, пока нагреется... Как видите, ничего сложного. И опасного тоже ничего. Это даже я могу. Разве что ждать долго, — заключила Галина с торжеством. Тем не менее, Павел с водителем наблюдали за процессом с порога — водитель следил за сохранностью музейных экспонатов, а Павел — за сохранностью жены. Мишаню на кухню не пустили вовсе. Благо, он не особо интересовался кулинарными способностями Галины и без особых возражений отправился самостоятельно изучать музей, а за ним - неторопливо и вразвалочку — удалился кот Пушок, демонстрируя своё недоверие котлетам, которые вызывали такой восторг у хозяйки.

Наконец Галина решила, что сковорода уже достаточно нагрелась и пора, собственно, приступать к жарке. Она извлекла из упаковки один ком. Отдавая дань торжественности момента, на долю секунды рука Галины задержалась над сковородой, а потом она решительно разжала пальцы, и котлета шлёпнулась на сковороду. В тот же момент в воздух с шипением взвился фонтан брызг. Галина взвизгнула, отдёргивая руку.



— На пол! — рявкнул Павел, мгновенно сориентировавшись, и сам пригнул к земле остолбеневшего водителя. Галина пятилась от плиты. Павел схватил её за руку и оттащил на безопасное расстояние. К этому времени стало ясно, что ничего не взорвётся, хотя сковорода продолжала зло шипеть и плеваться брызгами.

— Это масло реагирует на нагрев, - сообщил Павел ошарашенной Галине. — Наверное, ты забыла прочитать про спец. костюм, который должен был быть на тебе во время приготовления.

— Да, — припомнила Галина. — Что-то такое я читала про специальный фартук. И рукавички... кажется. Но я не думала...

В общем, приближаться к печке она наотрез отказалась. Тогда оправившийся от первого испуга водитель продемонстрировал сноровку заправского волейболиста и с порога закинул на сковороду оставшиеся котлеты (к счастью, во время отступления Галина не выпустила из рук драгоценную упаковку). Павел, прикрываясь на всякий случай металлической крышкой как щитом, бесстрашно, но осторожно приблизился к печи и накрыл сковороду.

— Котлеты потом ещё перевернуть надо будет, — предупредила Галина несмело. Все невольно посмотрели на накрытую крышкой сковороду. Из-под крышки раздавалось недовольное урчание и бульканье. Галина помолчала, собираясь с духом, и с сомнением произнесла:

— Ничего, перевернём.

Никто ей не ответил, и Галина сникла окончательно.

В это время со стороны зала послышался подозрительный шум, и Павел поторопился туда, запоздало, сообразив, что вовсе не стоило оставлять Мишаню в подобном месте без присмотра. Источником шума действительно был Мишаня. Он оседлал какой-то странный бочкообразный предмет с длинным рифлёным шлангом с одной стороны и не менее длинным хвостом-шнуром — с другой. Пушок, который, как оказалось, далеко не ушёл, с неодобрением следил за легкомысленным Мишаней.

— Что это? — спросила с долей тревоги Галина. Водитель поспешил её успокоить:

— Да ничего такого, это пылесос. Прибор, значит, для сбора пыли. Работает очень просто: втыкаете вот эту вилку вон в ту розетку, нажимаете вот здесь, и пылесос начинает втягивать воздух, а вместе с ним и пыль.

— А-а... — протянула Галина, подходя ближе и поднимая волочившийся по полу хобот. — И пыль собирать тоже надо было самим? Как же тут всё успеть, если ещё и готовить, и

работать надо?.. А, между прочим, этот пылесос очень кстати. Мы сейчас тогда быстренько уберёмся к бабушкиному приходу. Ей будет приятно...

Пока она, таким образом, делилась своей новой идеей, шустрый Мишаня уже успел воткнуть «вот эту вилку вон в ту розетку» и даже нажать на нужную кнопку. Пылесос, как и предсказывал водитель, тут же начал с невероятным воем всасывать хоботом воздух. Галина от неожиданности отшатнулась и наступила на неосторожно подвернувшегося Пушка. Ошалевший Пушок взвыл почище пылесоса и с неожиданной для своей комплекции резвостью взметнулся на штору. Галина отшатнулась вновь и неосторожно взмахнула хоботом пылесоса, который все ещё находился в её руках. Хищная машина тут же всосала в себя подол шторы. Галина в панике потянула хобот на себя, но штора от этого только натянулась, а повисший на ней Пушок заорал ещё громче прежнего. Галина, решив, видимо, что её ненаглядного кота тоже может затянуть в прожорливый пылесос, бросилась спасать своего питомца. Водитель и Павел же ринулись спасать уже рвущуюся под тяжестью Пушка штору. Началась грандиозная свалка, грозившая окончиться катастрофой. Но тут неожиданно всё смолкло, Пушок наконец-то сорвался и благополучно шлёпнулся на спину, присевшему от неожиданности водителю, а изрядно пожёванный подол шторы извлекли-таки из чрева пылесоса. Спас положение, как оказалось Мишаня, который в свалке не участвовал, а в момент наивысшего накала страстей попросту выдернул вилку из розетки...

— Этой штукой ещё управлять надо научиться, — возмущённо заметила Галина, ощупывая несчастного Пушка на предмет скрытых повреждений. Кот издавал какие-то неопределённые звуки, давая понять, что он всё ещё жив, хотя и сам удивлён этим фактом.

— Пойду - ка я уберу этот пылесос. От греха, значит, подальше, — сказал водитель и спешно ретировался, утаскивая за собой пылесос. Мишаня проводил их тоскливым взглядом, но ничего не сказал.

— Вот видишь, что случается, когда мужья не покупают своим жёнам нормальной техники. Вот и наш дом скоро превратится в такую же берлогу, — начала Галина, обращаясь к Павлу. — А, да что с тобой разговаривать. Только я ведь предупредила... Ну и нагородили же мы тут дел. Ладно, я тут всё приберу — надо же привыкать понемногу, раз родной муж не желает проявить сострадания. А вы идите отсюда, займитесь чем-нибудь — не мешайтесь под ногами.

— Пап, пойдём, я тебе такую штуку покажу, — тут же загорелся азартом Мишаня и потащил Павла куда-то.

— Никаких пылесосов, — ещё успел предупредить Павел Галину и поспешил за сыном. Мишаня, оказывается, уже успел побывать в подвале дома и нашёл там нечто, отдалённо напоминающее средство передвижения. Аппарату явно не хватало колёс и других немаловажных деталей, но Мишаня был просто в восторге. Ну что вы — это же мотоцикл. Самый-самый настоящий - разнастоящий! Это же просто космический улёт! Пока он крутился вокруг аппарата, Павел присел на табуреточку и, наконец, вздохнул спокойно. «Мотоцикл», к счастью, не работал, опасаться за Мишаню не приходилось. Более того, пробелы в историческом образовании самого Мишани оказались не такими катастрофическими. Так что можно было вздохнуть спокойно и дожидаться запропавшую куда-то бабушку.

— Котлеты! — донёсся вдруг до Павла отчаянный Галинин вопль, и стало ясно, что расслабляться ещё рано. Павел бросился на зов жены, чувствуя по пути усиливающийся запах гари. В дверях задымленной кухни он столкнулся с водителем, тоже спешащим на помощь. Галина стояла на пороге и не решалась войти. Павел решительно отстранил жену и сам отправился на спасение драгоценных котлет. Правда, то, что он принёс в сковороде, оказалось больше похоже на дымящиеся угли. У Галины даже губы задрожали.

— Может, их пожарить ещё раз? — с надеждой спросила она. Идея была дикая даже для неё самой, и Галина не решилась настаивать. Павел с каменным лицом донёс сковороду на вытянутых руках до мусорного ведра. Остальные в траурном молчании двигались за ним. Галина только раз тяжело вздохнула, когда обгорелые чёрные комья, в которые превратились котлеты, исчезли в ведре, и крышка за ними захлопнулась.

— Вот, — скорбно сказала Галина. — Видите, что получилось? А всё почему? Потому что нет нормального кухонного комбайна. Но это ещё ладно, а вот когда в доме нет робота-уборщика...

Павел закатил глаза и хотел уже сказать жене, что будет ей этот несчастный уборщик; только пускай успокоится, наконец. Но тут Галина замолчала сама, а с порога раздалось радостное:

— Ох, родственнички приехали!

Все обернулись. На пороге стояла худенькая улыбающаяся старушка. Видимо, это и была долгожданная юбилярша.

— Заждались, наверное. Проголодались! - продолжала ворковать она. - Ну, ничего, сейчас я вас накормлю... А потом всё вам здесь покажу и обо всём расскажу. Это будет очень интересно - не сомневайтесь. Ох, что за праздник будет!

Потерянная

Во тьме стекла
ночной маршрутки
я вижу собственное
отраженье:
чёрные перчатки,
шарф
и дымчатое пальто…
И только под капюшоном
мелькают огни
проносящихся мимо
окон.

* * *

Я знаю: когда ты придёшь,
На улице будет лить дождь.
С собою ты зонт не возьмёшь,
Промокнешь весь — не отожмёшь.
А я, на твою беду,
С утра на весь день уйду.

* * *

Однажды от людей ушла Правда.
Но люди этого не заметили, потому что
У них остались полуправды, правдочки
И Ложь.

Елена МАЛАНИНА

* * *

Дождь пошёл. Мокрой лапкой стучит
Он в окно моё быстро и жалобно.
Мол, впусти... Слышишь, ветер ворчит,
Нагоняя в мир тучи, как жалобы...
Мне самой также грустно и холодно,
Страшно даже смотреть вперёд...
Я впущу дождь из стылого города
И проплачу с ним ночь напролёт.

Закат

Рябиной горькой пропитано небо...
Заход солнца. Смерть света.
Печальное соло пыльного ветра
Пробудит к жизни голову кедра,
И он, тряхнув своей шевелюрой,
Отгонит прочь всю печаль и беды,
Ведь завтра снова наступит утро —
Бессмертного света святая победа!

* * *

Безумное чувство срывает с петель
Промозглую крышу застывшей души,
В которой бессрочной хозяйкой — метель
Меня погребла в снежно-белой тиши...
И я забываю про серые сны,
Бездумно увязнув в улыбке твоей...
И в душу врывается вихрем капель
Негласным посланником светлой весны...

* * *

Стою на задних лапках, размышляя,
Что кинешь мне — улыбку или взгляд,
И, о себе квохтаньем заявляя,
Встаю в таких же дур отряд.

* * *

Из плена душных квартир,
Из кошмаров — в солнечный мир,
От чуждых людей — к тебе,
Из Леты — навстречу судьбе
Рвалась душа...
Из быта без смысла
Смогли убежать лишь вольные мысли.

Самоубийца

На лицах прохожих — грубый налёт
Неприкрыто белёсой грязи,
Я сегодня отправлюсь
В свой последний полёт...
Он уже кем-то свыше заказан.
Безразличье Вселенной
Давит на бритву,
Заставляет чесаться вены.
И тоской неприкрытой
Веет от титров
Серых вывесок и объявлений.
Я умру сегодня,
И никто не вспомнит
О том, что я жил когда-то.
Я лишь винтик в машине,
Стандартный, недлинный...
Смерть моя — за ничтожность плата...

Разрубив ожиданья узлы,
Разорву расставанья в клочья
И сожгу их любовью...
                золы
Лепестки — как тоска ночью...

* * *

Слезам не смыть с истерзанного сердца
Кристальную безжалостную соль,
И в доме, где на окнах стынет боль,
Никак я не могу согреться.

* * *

Словно листик, подхваченный ветром,
Сильным, жёстким и всемогущим,
Улетаю я прочь от света,
В вихрь любви угодив... И с кручи
Чувств своих, непонятных, грозных
Я срываюсь... И, падая в бездну
Жгучей ревности, слёз несносных,
В жуть и мрак, прокричу я дну:
«Я люблю его! Слышишь? Люблю!..»

Алиса ПОПОВА

Домовой

У нас то кастрюля взорвётся нечаянно,
То кошка, бывало, подпрыгнет отчаянно,
То кто-то хихикнет за старой трубой.
Конечно же, это старик Домовой.

Он низкого роста, с седой головой,
В багряной рубахе, в штанах и босой.
Он ходит по дому и сушки грызёт,
И ночью спокойно спать не даёт.

К проказнику-деду проказливый внук
На лето приехал — решил отдохнуть.
Он носит бандану, толстовку,
Крутые штаны и кроссовки...

Он Децела любит, Наталью Орейру,
А дед, как назло, подарил ему плеер.
И ходят по дому, и сушки грызут,
И слушает плеер, и спать не дают.

Теперь в нашем доме ещё веселей.
Ой! Что-то разбилось! Пойду поскорей!

Проза

Почитаю, поем шоколада,
И снова я с книгой моей.
Простите, поэты, стихов мне не надо,
Мне хочется прозы, ей-ей!

В голове у меня заучены рифмы,
Но прочь разлетайтесь скорей!
Прочь от меня, монотонные ритмы,
Мне хочется прозы, ей-ей!

Стихи — лишь холодные слёзы,
А проза светлей и теплей.
Когда наступают морозы,
Мне хочется прозы, ей-ей!

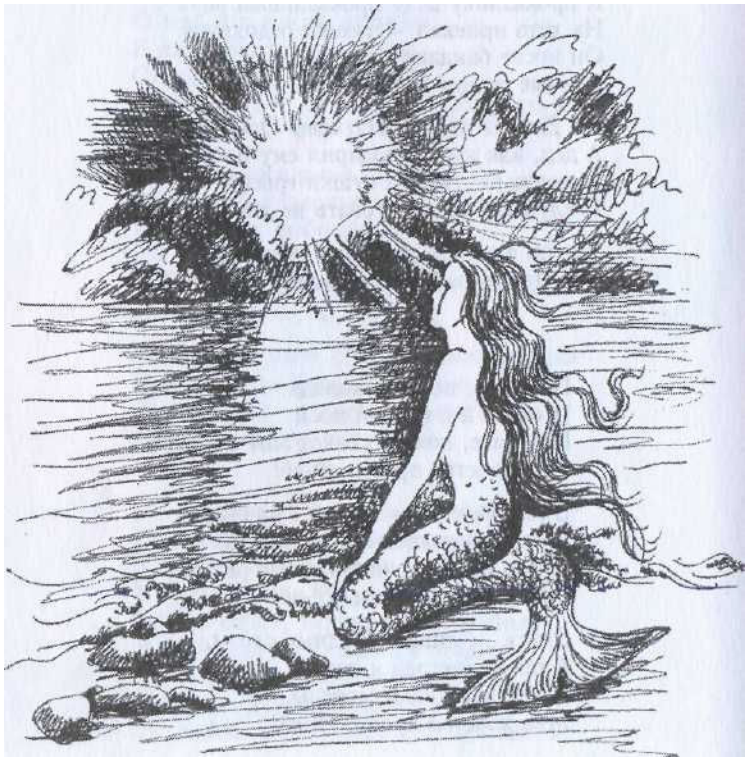
* * *

Русалку вынесло на берег
Игривой нежною волною.
Её тихонько гладит ветер
Своей прозрачною рукою

И волосы ей раздувает.
На солнце хвост её блестит.

Русалочка ещё не знает,
Что на песке она лежит.

И вдруг очнулась. В изумленья
Открыв зелёные глаза,
Она в моё стихотворенье,
Как всплеск невидимый, вошла.



Памятник

Стоит он величаво в конце рощи,
Ему смотреть на мир оттуда проще.
Он вспоминает свою жизнь ночью,
А днём на этот мир глядит.

Он видит, как растут дети,
И звёзды по ночам светят.
А время всё течёт сквозь столетья,
А памятник стоит и стоит.

* * *

Рояля сладостные звуки
Ласкают слух и душу нам,
И чьи-то маленькие руки
Летят по нотам звонких гамм

То вверх, то вниз, то расходясь,
А то с пути сбиваясь.
Над клавишами наклонясь,
Сидишь ты, улыбаясь.

* * *

Сердце крылья обретает
И летит куда-то вдаль,
Снег последней ссоры тает
А в глазах стоит печаль...

* * *

Ты спишь, как ангелочек,
И тихо-тихо дышишь.
И ты совсем не слышишь,
Как звёзды светят ночью.

А ночь идёт неслышно
По комнате просторной
И к колыбели сонной
Подходит, словно мышка.

И, колыбель качая,
Поёт она про звёзды,
Которые, как слёзы,
Блестят, утра не чая.

Бригантина надежды

Бригантина надежды
В океане плывёт,
И её белый парус
За собою зовёт.

Отдалённым лучом
Где-то светит маяк,
Но его не найти
Бригантине никак.
……..

Но взошло снова солнце,
Снова штиль на воде,
И стоит бригантина
В заливе Мечте.

Долина Яркого солнца

Палящее солнце уже давно иссушило землю. Из щелей редко выползают змеи погреться на камнях. А безжалостное солнце неподвижно стоит над сухой безжизненной землёй.

— Что это за место? — спросил путник.

— Это пристанище одиноких душ, — прошептал ветер. — Отодвинь камень, на котором ты сидишь, и ты узнаешь, почему это место стало таким.

Ветер затих, а путник отодвинул камень и увидел книгу. Он отряхнул книгу от песка и открыл её...

«Долина Яркого солнца, так раньше называли это место, была настоящим оазисом среди пустынь. Весёлые крики детей слышались с реки Таролайтор, женщины, ожидая своих мужей с охоты, стирали и нянчились с малышами. А охота в тех местах была на славу. К вечеру дети сбегались для того, чтобы послушать про подвиги своих отцов и отведать жареного мяса, приготовленного их мамами.

Все люди знали, что в горах жил старый пророк-отшельник. Бывало, он часами стоял на вершине горы, протянув руки к небу, и беседовал с богами. Очень редко спускался он к людям для того, чтобы сообщить им свои предсказания. Люди всегда верили пророку, зная, что он не обманет.

Надо вам сказать, что у Долины был свой правитель. Тарол, так его звали, очень любил свой народ и заботился о нём. В честь Тарола назвали речку Таролайтор, протекавшую около его дворца.

Однажды люди увидели, что пророк спускается к ним, и поспешили помочь ему идти по крутым склонам. Когда старец спустился, он поблагодарил людей и поднялся на трибуну.

«Люди, — промолвил он старческим голосом. — Люди! Боги сообщили мне, что река пересохнет, а долина станет пустыней. И только один человек сможет возвратить долину...»

«Если этот человек — я, то я лично буду заботиться о реке», — сказал Тарол. Люди знали, что если Тарол о чём-нибудь заботится, то это что-нибудь будет в полном порядке. И они оставались на своих местах.

Вскоре Тарол понял, что больше не может тягаться с засухой, и сказал людям, чтобы они уходили. Когда он был уверен, что все готовы к дороге, Тарол благословил их, а сам остался у пересыхающей реки.

Уже через три дня вместо Таролайтора на солнце блестел маленький ручеек, да и тот Тарол заложил тремя большими камнями. Вскоре он умер.

А что же стало с жителями Долины? Они долго скитались по пустыне и скоро сдались. Теперь их души летают над огромной пустыней...»

...Путник, прочитав книгу, подумал: «Я должен возвратить Долине её цветущую красоту!» Долго искал он три заветных камня и, не найдя их, решил отложить поиски на завтра. Прилёг на камни и уснул.

Наутро он открыл глаза, увидел яркое солнце и решил ощупать своё ложе. Какой-то огонёк зажёгся в его душе, путник ещё раз провёл рукой и подскочил! Он лежал на трёх больших камнях! Путник поспешил отодвинуть их, и... звонкий фонтан, словно прелестный утренний цветок, раскрылся перед ним!

Вдруг какое-то долгое эхо раскатилось по небу. «Это радуются души жителей Долины Яркого солнца, что могут теперь каждый день слышать журчание Таролайтора. И ещё, они теперь спокойны за цветущую долину», — сказал ветер и засмеялся.

Евгений ТКАЧЕВ

Мечтатель
(Рассказ-миф)

Отцу

...ты увидишь это. Люди будут летать по небу — словно свободные птицы. И никто не сможет их остановить. Все будут жить среди облаков, и соревноваться с вольными орлами в скорости... Наконец человек обретёт свободу, а также уверенность в следующем дне. Не будет войн — с воздуха легко заметить противника и предупредить басилея о нападении. Не будет голода — с воздуха легко увидеть добычу и обозревать свои поля. Скажи мне сын, — разве это не свобода!

Ты с отцом стоишь на вершине утёса. У самого его обрыва. Под ногами бьётся и шумит море, над головой плывут облака и горланят надоедливые, вечно голодные чайки. И воздух над Критом свеж и вкусен. И, кажется, что он уже сейчас готов принять человека в свои объятья.

— Папа, — ты косишься на отца, который с мечтательным лицом смотрит на закат Гелиоса — белого диска солнца. — Папа. А люди сами летать будут? Возьмут, прыгнут и полетят?

Твой отец с ухмылкой косится на тебя, смеётся, зажав в кулаке свою кудрявую, чёрную с редкими седыми волосами бороду и легонько ерошит твой затылок.

— Нет, не сами. Не доглядели боги, когда людей создавали, или не захотели. Кто их знает? Может, воля Зевса была такова?..

— А... а как же мы полетим? Ведь мы же не сможем? — ты начинаешь всхлипывать, чтобы сдержать подступающие слёзы.

— Ну-у, сынок, — твой отец приседает перед тобой и легонько щёлкает тебя по носу. — Боги не доглядели, ну да я что-нибудь придумаю... честное слово!

* * *

— Твой отец окончательно выжил из ума. — Толстый, похожий на откормленного червяка шрам на щеке Феона издевательски заизвивался. — Сидит дома уже десятый год и всё что-то режет. Басилей его чуть ли не под стражей во дворец водит, чтобы работал и чинил

свои игрушки... На деньги и ценные подарки внимания больше не обращает и над птичьими перьями трясётся, которые ему рабы натаскали. Всё эти грязные перья рассматривает и раскладывает по кучкам. Совсем из ума выжил.

Ты неодобрительно косишься на Феона и наливаешь себе красного прамнейского вина, сильно разбавленного водой, хозяином сей крысиной дыры. На столе уже красуются три лужицы этого божественного — с точки зрения Феона — напитка.

— Он не выжил из ума, — бормочешь ты, прикидывая, справа или слева залепить Феону оплеуху, — Он не выжил из ума. Он работает.

— Работает? — громко смеётся Феон. ~ Какая же это работа — копаться в куче вонючих и грязных перьев и раскладывать их по кучкам? За такую работу басилей не заплатит золотом и не пожалует рабов...

Тебе становится скучно, и ты прекращаешь обращать внимание на Феона.

— Мой отец уже сейчас знаменит и богат. После его смерти люди сложат о нём песни, и будут помнить долгое время, — вдруг чеканишь ты в ухмыляющуюся рожу Феона. — А о тебе, скот безродный, люди забудут после того, как ты сдохнешь. Да и много ли людей тебя знает за пределами этого забытого острова?

Толстый червяк наливается фиолетовым, и Феон пытается взмахнуть правой рукой, чтобы расплющить тебе нос, но чья-то сильная рука выдёргивает его из-за стола и отправляет в дальний угол.

— Радуйся, сын своего отца, — негромко говорит твой спаситель и, брезгливо поддёрнув края своего богатого наряда, садится напротив тебя. За его плечом застывает охранник в начищенных доспехах…

И ты узнаёшь в своём избавителе от надоедливого Феона — басилея Миноса.

— Радуйся и ты, правитель великого острова, — смиренно отвечаешь ты. — Чем сын скромного мастера может тебе помочь?

— Мне нужен только ответ на один мой вопрос, — улыбается басилей. И мне нужен честный ответ.

— Я отвечу.

— Мне нужно знать, что делает твой отец. Он уже не один год сидит у себя дома. А ведь раньше он был частым гостем в моём дворце. Мне очень не хватает бесед, которые мы с ним вели.

— Он работает... Он делает самую важную работу в своей жизни, — отвечаешь ты.

Десять минут басилей слушает рассказ о мечте твоего отца. А потом смеётся.

— Узнаю размах моего доброго друга. Всё покоя не дают ему мраки забвения, и в нить Мойры он хочет вплести все, что только придёт в его голову...

— Мой отец мечтает о свободе для людей, — горячишься ты.

— Нет, — печально улыбается Минос. — Он придумывает людям новые оковы, которые и превращают свободного ещё вчера человека в бесправного раба. Ведь развяжутся новые войны — с воздуха легко заметить, где враг слаб, и нанести туда удар или просто скинуть по воздуху в тыл карательный отряд. А закидать врага сверху камнями? Ведь тот, кто находится выше, уже приобрёл победу. С воздуха землепашцы будут не обозревать свои поля, а завистливо коситься на соседние, а потом просто начнут грабить. Ведь сверху своё поле будет казаться маленьким, а поле соседа — неизмеримо большим. Пропадёт азарт охоты — сверху легко перебить всю беззащитную дичь, чтобы набить свои дома мясом. Скажи мне, сын своего мудрого отца, разве это свобода?

* * *

Готовые крылья лежат на скамье возле дома. Размахом они превышают размах крыльев свободного орла, который парит над горами. А красотой могут поспорить с красотой крыльев далёких и прекрасных птиц из чужих земель.

Готовые крылья — десять лет кропотливого и сложного труда... Десять лет, вычеркнутые из жизни.

— Ты сделал их, отец, — ты садишься рядом с ним на скамью и в порыве радости приобнимаешь его. — Ты сделал их, отец. — Все слова Миноса не поколебали уверенность в тебе. — Ты сделал их, отец. Люди обретут свободу.

— Эти люди осмеяли меня, — глухо роняет твой отец. — Они осмеяли меня, когда я принёс их на главную площадь. Люди смеялись и говорили, что я выжил из ума. Смеялись и говорили, что при помощи этого сора невозможно подняться в воздух и покорить небо. Смеялись и говорили, что не мне, старому сумасброду, поправлять решение великого Дия-Громовержца. ЛЮДИ СМЕЯЛИСЬ.

— Они не правы, отец. — Ты чувствуешь, как закипает кровь в твоих жилах, и сердце начинает гневно стучать. — Они не правы. И завтра я им это докажу.

* * *

Ты стоишь на краю обрыва. Спиной к людям, лицом к бездне, Ветер легонько ерошит твои волосы и липкими, дрожащими от волнения пальцами перебирает перья на крыльях, которые прикреплены к твоей спине.

Толпа, собравшаяся посмотреть на твой полёт, стоит чуть в стороне и негромко о чём-то переговаривается... Слышатся чьи-то ехидные выкрики, но порывы ветра заглушают крикунов.

Тебе сейчас нужна тишина...

Тебе сейчас надо сосредоточиться...

— Вы все собрались? — кричишь ты, напрягая лёгкие, и ветер-друг, ветер-приятель разносит твои слова над примолкшей толпой.

Толпа отзывается гулом.

И ты чувствуешь, что собрались все. Все твои знакомые, которых ты знал с детства. Все твои друзья, с которыми ты познакомился в юности. Все... все... Кажется, весь Крит собрался сегодня возле береговых скал — посмотреть на твой полёт. Пришли все... даже с далёких и богами забытых мелких пастбищ.

А впереди всех стоит басилей Минос — хозяин и повелитель Крита. Рядом с ним твой отец. И ты читаешь гордость во взгляде твоего отца. Гордость отца за своего сына.

Сейчас ты видишь всё. Видишь сотни глаз, которые устремлены на тебя и жадно выхватывают любой твой жест. Сотни бровей, которые насуплено, хмурятся в ожидании грома с неба. И сотни, сотни, сотни ртов, которые говорят, злословят, восхваляют и огрызаются...

...полетит. Он полетит...

... бред. Где это видано, чтобы люди летали...

...боги не стерпят...

...а если полетит? так это любой сможет?..

...а я говорю и повторю — бред...

...кстати, что вы об этом думаете?..

...всё может быть в этом мире...

...совсем папаша из ума выжил. Сына губит...

...спорим на две монеты — он упадёт...

...кто же так спорит? А, хотя — по рукам!..

...а я говорю — бред: если бы боги хотели, чтобы люди летали, мы бы уже давно парили в небесах...

...полетит. Он полетит...

Ты этого не слышишь. Сладостный ветер поселился у тебя в груди, и тянуть уже нету силы.

Хочется прыгнуть и навсегда разрешить вечный спор. Доказать правоту отца. Доказать сразу всем... всё доказать...

— Разве не это свобода? — кричишь ты, выпуская ветер на волю из груди. — Разве не это свобода? — разбегаясь, кричишь ты, и ветер радостно поёт песню твоей души, которую сумел вынуть из твоего сердца.

РАЗВЕ НЕ ЭТО СВОБОДА?

Ты прыгаешь, и ветер радостно принимает тебя в свои объятья. Воздух обнимает и несёт тебя на своих невесомых волнах. И крылья распахиваются за твоей спиной.

Эпилог

— Посмотри, какая большая машина. Это самолёт. И скоро в него поднимутся люди, и самолёт перенесёт их в другой город или даже страну, которая далеко-далеко отсюда.

— Как перенесёт? — недоверчиво смотрит на своего отца краснощёкий малыш в вязаном свитере.

— По воздуху, Вон, видишь, облако плывет по небу? Вот и самолёт будет так же плыть по небу. Только быстрее.

Малыш всё ещё недоверчиво смотрит на отца. Как же такая большая машина будет плыть высоко-высоко? А отец, посадив его на колени, начинает рассказывать разные интересные истории про самолёты. Постепенно глаза малыша разгораются, и он с открытым ртом внимает словам отца.

— Высоко! — восторженно выдыхает он. — Папка, — внезапно говорит он, — а кто первый стал летать высоко-высоко? — Малыш хитро смотрит на отца и наивно спрашивает: — Может, это был ты?

Отец смеётся, поглаживая свой гладко выбритый подбородок.

— Нет, не я. Но я расскажу тебе эту историю. Это было давно в далёкой стране. На одном острове жил великий мастер, и однажды *он* привёл своего сына на скалу и сказал: «Мой сын, ты увидишь, что люди будут летать по небу, словно свободные птицы, и никто не сможет их остановить...»

Татьяна ТРИФОНОВА

Здесь есть причал

Стекает ночь на не уснувший город,
Как кровь с незатуплённого клинка.
Здесь Млечный Путь — взрывающийся порох,
Здесь жизнь так отягчающе тонка,
Здесь возвращаются, за день совсем разбиты,
В окошки-звёзды, в оживлённый дом.
Там бьют посуду — тыл людского быта;
Там лижут раны; подают на стол.
И заливают сердце жгучим маслом,
Обиды, опуская в сладкий чад.
Здесь ждут и любят. Уходить не страшно:
Здесь есть встречающие. Есть причал.

* * *

Меня воспевают чужие трубы,
Уносят в другие вечности.
Меня выпивают чужие губы
В наивной беспечности.
Другие рельсы... В другом вагоне,
С слезами частыми.
Но где-то там, на одном перроне
Мы будем счастливы.

* * *

Пару раз пара взглядов. Оскал зубов —
И сложилась улыбка, и счастье нашло кого-то.
Изводило, сводило с ума и лишало слов
И потом тащило с собою в своё болото.
Урывая от жизни мгновения, я живу.
Пусть метелит зима и взахлёст овесняет дождями,
Счастье всё-таки будет. И было. И есть наяву,
Даже если на сотню процентов придумано нами.

* * *

Не надо безумных истерик,
Проходит и эта грусть.
Когда-то пустеет берег
И дышит стриптизом куст.
Когда-то черствеет хлебом
Отвергнутая душа,
Но крошки надежды следом
Нельзя не слизать с ножа.
Нож режет. И больно режет.
И скоро не заживет.
Но где-то заря забрезжит,
И новой весной обожжёт.

* * *

Где-то на небе... Может, в звёздах
Ищешь меня — не найдёшь.
Зори повисли в птичьих гнёздах...
Ангел! Любовь — ложь.
Ангел! Какие огромные крылья!
Так вот влетать в экстаз!
Жизнь — пузыристая, пенная, мыльная.
Хлопнешь — осталась грязь.

* * *

Нужда идти куда-то дальше
В промозглом дыме сигарет,
Но мокнут спички, зябнут пальцы.
В мостах сожжённых пользы нет.
Тебе мелодия другая —
Гитарных струн.
Теперь додышишь ты до рая,
А я умру.
И мне останется скрываться
В пустых делах, в ушедшем дне,
По струнам бить, опять срываться
И пить вино. И жить в вине.

* * *

Дождь заставил опять распахнуть зонты
И пробрал до интимной нитки. ...
Люди так боятся своей доброты,
Люди прячут свои улыбки.

Убежала. А ты догонять не стал.
До сих пор я тебя не простила-
Не за то, что ты мне ничего не дал,
А за то, что сама не просила...

Зарубцуются раны, исчезнут швы,
Боль иссякнет за левой грудью.
Мы с тобою почти перешли на «вы»,
Совершенно чужие люди.

* * *

Хлопнет окно в пустоте,
Называй её вечностью.
Поздно прощать.
В темноте
Тают подсвечники.
Я растеряюсь... расплачусь...
И тоже исчезну.

Так плачет сильный ребёнок
В синюю бездну.

* * *

Сутки оттикают голосом старой кукушки
В памяти кем-то когда-то воздвигнутых стен.
Люди проходят — выброшенные игрушки,
Вдруг надоевшие жизни в какой-то момент.

Люди всегда неизбежно куда-то уходят.
Люди проходят — так, как зима и снег.
Так убегая, как будто их кто-то догонит,
Люди проходят. Время кончает бег.

Оставляй

Неземное, увековеченное
По артериям в тело шло.
Не искала. Не шла навстречу,
А несчастье само нашло.
Я любила, я молча нашёптывала:
«Оставляй его, оставляй.
Не топчись под чужими окнами:
Не протопчешь дороги в рай»...

* * *

Ты сидишь, обхватив колени.
Ты один... Как-то сразу не верится.
Мы с тобою — две параллели.
Нам нельзя, нам не велено встретиться.
Двух сердец
Две пульсации предкоматозные
На единой кардиограмме.
Два жгута,
Два шприца,
Две последние дозы,
Друг для друга хранимые нами.

Елена ШОМАС

Чем на самом деле мы моем посуду?

Интересный факт: при пробежке быстрота ломания любимых 15-сантиметровых шпилек напрямую зависит от выбоин в асфальте. Когда я, кокетливо виляя бёдрами, сломя голову убегала от Сенечки Пукосдохова, налогового инспектора, земля потерпела меня минуты две и с ужасающей быстротой поплыла навстречу. Маникюр! — вроде бы успела подумать я.

Очнулась я на поле чего-то, отдалённо напоминающего гибрид травы и орангутанга. Так вот ты какой, тот свет! — восхитилась я. И поплелась куда-то. На полпути в неизвестность меня перехватили люди и привели в своё поселение. Наполнив до краёв организм спиртом высшей пробы, я узнала много интересного.

Оказывается, во Вселенной мы - таки не одиноки. Есть ещё так называемые Высшие Существа, которые намного опередили нас в развитии, хотя тоже пытались строить коммунизм. Вмешиваться в наши дела они боялись (ещё покусаем!), но были гуманистами и решили помогать отдельным людям. Умершим нелепой, глупой, обломной смертью. Как я, например. Утонуть в луже, это вам, знаете ли, не после обеда отрыгнуть. Таким людям предлагается пройти 5 этапов. Кто не хочет, не добирает очков или между этапами пережрал Манны небесной (так ласково поселяне называют гуманитарную помощь Высших Существ — ветчина, спирт, апельсины), оставались на этой милой плакетке на практически вечное поселение. А кто набирал миллион очков, выбирал себе новую жизнь (любую!) на Земле. По планетке ходила легенда о француженке, которая задохнулась собственными газами. Она прошла, все этапы с дополнительными бонусами и выбрала для себя судьбу национальной героини Франции. Всё бы хорошо, но кому-то она навредила, и сожгли её, невинную, на костре. Она опять всё прошла и решила стать всеобщей любимицей. В 2 года её закусали влюблённые комары. Долго она меняла жизни, но всегда Дохла, как дура. Сейчас она где-то на 3 этапе.

Главная гадость всего прохождения в том, что никто не знает, за что ему прибавят очки, а за что вычтут. Все знают лишь одно — когда проходишь, этап птички, надо гадить так часто, как можешь, на всё, что видишь. Говорят, при этом настоящие птички смотрят на тебя, как на больного страуса.

С бодуна я пораскинула остатками извилин и решила попытать силы.

И попала на первый этап. В качестве крысы. Декоративно-домашней. У какой-то девки с кучей животных. Я столько за всю жизнь не видела. А запах!!! М-м-м, даже приятно! А кормить меня собираются? Ладно, пора пытаться зарабатывать очки. Первым делом часы сгрызть до неузнаваемости. Клетку надо закрывать! На какать в сок... Передо мной появился счетчик: 300 очков! Так держать! Ой, зря она оставила без присмотра свой мобильник... Теперь долго не будет болтать! 600 очков! Толкнуть горячий чай на клетку с хомяком. Вареная дичь! 15001. Какая чистая беленькая стеночка... Зря она оставила тут недоеденный йогурт! Похлеще черного квадрата! Розовая клякса. Для полного счастья — пометить! Пукнуть в удивлённую морду свина. Улыбка медленно сползает с его лица. 7000! Ой, на горизонте хозяйка! Как-то странно она ухмыляется. А-а-ааа! Только не за хвост!..

Первый этап пройден. 7000 очков + 1000 за храбрость. Неплохо, но до миллиона далековато.

И снова я на планете. Все меня встречают, знакомят с милым молодым человеком, только что прошедшим четвёртый этап. Загорелый, красивый, только туг на ухо и глазки косят, как будто заигрывают.

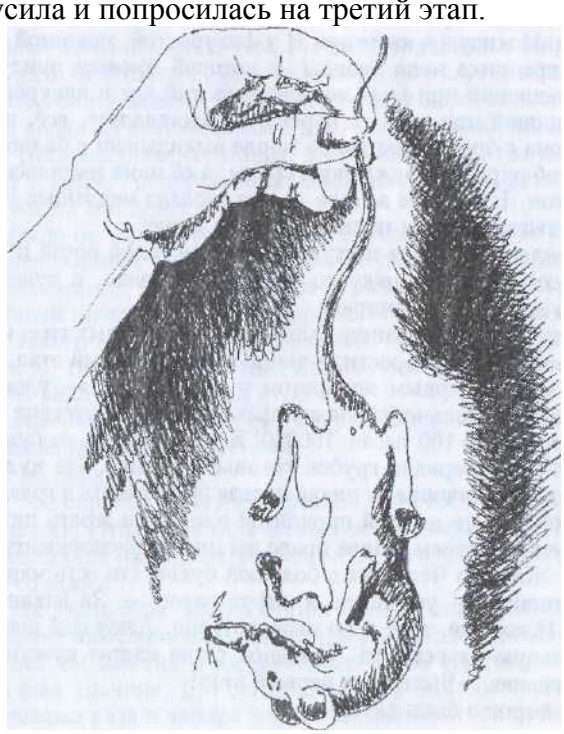
Сегодня сбрасывали гуманитарку, так что все облились. Одна я, как дура, сидела и пела гимн Советского Союза. Детство позолоченное вспомнила. Когда все очухались, я наконец-то отрубилась.

Очнулась уже на втором этапе. Птичкой. Какаду. Представляете, какаду над помойкой совершает круг почёта? И беспрерывно гадит. Зрелище не для слабонервных россиян с расшатанной от постоянной пьянки психикой и опухшими лицами синюшного оттенка,

торчащих из канализации. Один тупорылый кабан даже попытался меня приманить. Кис-кис, кис-кис. Да, гадить на кого попало, это вам не морковные жопки откусывать. Сделав мёртвую петлю, я эффектной свечкой взмыла ввысь. Высунувшийся из окна мужик с двустволкой как-то недобро глянул на меня в лазерный прицел. Получай! Ой, как мы брезгливо зажмурились! Это тебе не французские духи! 12000. Да, необычно смотрится какаду в Сибири. И ветер холодный, крылья на лету замерзают. Полетайте, махая деревяшками, — поймёте мои ощущения. Если взлетите и если выживете. Полёт — тонкое искусство, заключающееся в умении швырнуть себя на земную поверхность и при этом промахнуться. Лечу, второй час и тут вижу ЕГО. Новенький мерседес. Был. По закону физики, всё, что вошло, должно выйти. Это главный закон птичьей жизни. Хозяин машинки тупо вылупился и заикал, тыча пальцем куда-то в небо и призывая Высшую Справедливость. Я деловито облаяла его и полетела дальше, на юга. 27000. Не хило, но и не круто, — исподволь начал вылизать из меня доселе глубоко всунутый цинизм напополам с сарказмом. По крайней мере, мне хотелось так думать. Спикировав к кафе, где меня любезно подкормили обалдевшие гурманы, я какнула в ложку милому дитёнку, который сразу же отправил её в рот. 50000! Много дней я летела, не зная усталости (ну, или почти не зная!) и успела набрать 167273 очка за мелкие шалости и пакости. И прилетела я в Норильск — резиденцию нового президента. Как раз шла какая-то демонстрация, Владислав Владиславович стоял на трибуне и вещал о бедах наркомании и способах табакокурения. Облетая толпу и усердно испражняясь, я заметила киллера и плюнула на него. Пуля пролетела мимо президента и с упоением впилась в сердце его супруги. Бедняжка билась в предсмертной агонии, а я получила сразу 500000 очков! И прошла второй этап.

Потом мои новоиспеченные друзья объяснили, что, благодаря мне, подстрелили эту неудачливую француженку, и она сейчас проходит первый этап. Раз пятидесятый. И не дай Бог мне её повстречать — придушит!

Вечером были танцы – жманцы - обниманцы. Появился новенький, который на охоте пытался подстрелить зайца. Не рассчитал чего-то, отдачей его и убило. Недоделанного. Я перекусила и попросилась на третий этап.



Что аквариум не чистили месяца два, было понятно с первого взгляда. Чем можно заниматься рыбке, я никогда не представляла. Оказывается, кучей всего интересного: глазеть на водоросли и биться хвостом о стенки. Рядом со мной плавало много разнообразных существ. После пятого съеденного стало понятно, что я пиранья. Как романтично! И 680 тысяч очков,- Близко, близко. Вау, какой-то милый мальчонка кидает мне мясо, сырую говядину.

Обалдеть! Пупсик, а вот пальчик в воду ты зря засунул. Теперь поздно орать! 700 тысяч! Пришла суровая тетка, кинула моё бренное тело на сковородку с тефлоновым покрытием.

Впереди меня ждёт новый этап. А пока — отдых!

Меня повезли осматривать местную достопримечательность — кладбище. Там захоронены те, кто не выдержал зелёной тоски на этой дурацкой планете. Могил шестьсот есть. При населении в 20 человек это совсем неплохо. На могилках стоят импровизированные памятники из бутылок и плесневелой ветчины, сервированной апельсиновыми косточками и корочками. Лепота! Я поняла, что мне просто необходимо набрать очки, иначе...

4 этап. Теперь я рыжий и усатый таракан. Вернее, рыжая и усатая таракашка. И живу я в квартире 21 у фигуристой, мохнатой, истошно вопящий при виде меня девицы, у которой имеется придурочный, истошно вопящий при виде меня персидский кот и накуренный, истошно вопящий при виде её парень. Представляете, всё, по чему я ползала, она с брезгливостью на морде выкидывает с балкона, лопоча что-то об охране окружающей среды; а её мама пыталась прибить меня тапкам. Ничего не вышло — она гораздо медленнее улитки. У меня 960 тысяч очков и полный экстаз в душе!

Я позволяю девчушке наступить на меня голой ногой и, пока она в ужасе соскабливает кожу со ступни, медленно, с чувством собственного достоинства умираю.

Задерживаться на планете выше моих всесильных сил, и я, хлопнув рюмашку для храбрости, в темпе пилю на пятый этап.

Быть вестибулярным аппаратом у алкоголика — удовольствие последней сомнительности. За сам факт моего присутствия у бедного мужичка мне дали 100 тысяч. 100060! Я могу выбрать любую жизнь!.. Мои мечтанья прервало грубое тиканье счётчика. По нулям... Неужели этому мужичонке ну никак нельзя было падать в грязь лицом...

Я не хочу жить на этой проклятой планете и жрать цитрусовые! Вы, Существа фиговы, какое право вы имеете распоряжаться чужой жизнью? Жизнью Человека с большой буквы (то есть меня!)?

— Заткнись! — услышала я чей-то голос. — За вяканье спирта лишают. И вообще, твоё дело пересмотрено. Дают ещё шанс. За исключительную пакостность. Высшим такие кадры нужны, сами-то они чистенькие... Быстро на первый этап!

...Как хорошо быть слоном...

Илья ЮШКОВСКИЙ

Золото инков
(Рассказ)

После того, как испанцы разграбили Южную Америку, прошёл слух, что там живет могущественное племя инков. После смерти вождя инков народ собрал всё золото и где-то спрятал. Одни говорили, что золото сплавили в цепь, которую схоронили где-то в горной пещере. Другие утверждали, что всё богатство утопили в недоступном озере. Но, так или иначе, подробности уже мало что значили. Главное было то, что золото это существовало, и его следовало найти...

«Патриот» уходит в море

..Сам я давно хотел побывать там. Мечтал отправиться в путешествие, чтобы дать отдохнуть глазам от монотонной картины, открывавшейся моему взору каждое утро. Грязноватая деревенская улочка. Рыбацкие лодки да вонючие сети с протухшей рыбой, валявшиеся на берегу. Беспризорные сорванцы, плескавшиеся с утра до вечера в луже. И старый, полуразвалившийся дом моих родителей — вот то, что я видел изо дня в день.

Конечно, было от чего загрустить, возмечтать о плаванье к далёким малоисследованным странам. Но стоило дать волю фантазиям, как я тут же вспоминал, кто я есть: простой рыбацкий сын, неграмотный, не умеющий ничего, кроме как управлять лодкой и закидывать в море сети. Такого точно ни за что не возьмут на судно — даже на дырявое корыто, готовое к плаванью по болотам. Да, я совсем, совсем ничего не знал в мореходном деле...

Так бы я, наверное, и остался простым рыбаком, если бы не беды, которые произошли в скором времени.

Но — всё по порядку.

Отец мой рос сиротой. Мать подбросила его ребёнком к чужому порогу и скрылась. Отца приютила бедная семья по фамилии Рулли, которая промышляла рыбацким ремеслом. И отец выучился ловить рыбу вместе со всеми.

Джонни, так звали отца, всегда считал Руллов своей семьей. Они были ласковыми, заботливыми родителями. Но когда мальчику стукнуло десять лет, он заметил в воспитателях что-то странное.

Мой отец был удачлив. Его сети никогда не бывали пустыми, и улов его превышал раза в четыре то, что вылавливал его отчим. Это имело печальные последствия. Джонни стал замечать, что отношение к нему в доме сильно изменилось.

— Работай, работай! — твердили ему, как рабу. - Ведь удача, смотри-ка, не покидает тебя!

В самом деле, зачем выходить в море, терпеть лишения, холод, если Джонни-кормилец все равно принесёт домой богатый улов?

Так и повелось.

Но жадность, говорят, не знает границ. Через некоторое время, когда отец чуть подрос, приёмные родители стали обязывать его приносить домой каждый день не меньше ста фунтов отборной свежей рыбы. Если рыбы оказывалось меньше, Джонни нещадно колотили.

Мог ли он оставаться у Руллов? Конечно, нет. И он сбежал. Хотя бежать ему, откровенно говоря, было некуда, никто его не ждал.

Оставшись один, отец поразмыслил и решил поступить так: взять у кого-то взаймы деньги, купить на них рыбацкую хижину на берегу моря, поселиться там и заняться рыбной ловлей.

Позже отец женился, а еще через какое-то время в том самом домике появился на свет я.

Но удача отвернулась от отца. Когда настало время возвращать долг за хижину, он этого сделать не смог — денег не хватило. И отца посадили в долговую яму, а матушка в добавление

бед скоро заболела и слегла. Денег на врачей у нас не было. Какой там, мы едва сводили концы с концами.

Что оставалось делать? Терять мне было нечего и, попросив добрых соседей присмотреть за матушкой, я собрал узелок с вещами, попрощался и направился прямиком в город, на заработки...

* * *

Город находился не так далеко от нашей рыбацкой деревушки. Нигде не задерживаясь, я шёл и шёл, питаясь в пути сухарями, и на седьмые сутки оказался у городских ворот.

В порту я увидел множество кораблей. Бог мой, сколько людей сновало на пристани! Перепачканные портовые грузчики таскали какие-то ящики, на вид крайне тяжелые, а прилично одетые господа в волнении ожидали прибытия корабля.

Раздавались громкие команды, кричали чайки, кто-то свистел, люди переговаривались — гомон стоял невообразимый.

Узнать, какой из кораблей уходит в Южную Америку, о которой я давно мечтал, труда не составило. Но попасть на судно оказалось невозможно: билеты все до единого были проданы. От такого разочарования я чуть не заплакал.

Что оставалось делать? Ничего стоящего мне не приходило в голову. И тут я услышал, как лоцман, снующий в своей лодчонке среди больших и малых кораблей, прокричал в рупор:

— Эй, «Патриот»! Отойди-ка в сторонку, не мешай, все равно отплываешь завтра... Что-то меня подтолкнуло спросить у проходящего мимо матроса, куда идёт «Патриот». И тот ответил: «В Южную Америку».

Вот удача, так удача! Я чуть было не захлопал от счастья в ладоши.

Протолкавшись к кораблю, стрелой взлетел по трапу на палубу и стал искать капитана.

Узнав, что мне нужно, какой-то человек, находящийся рядом с капитаном, поговорил с ним вполголоса, потом обратился ко мне:

— Какие языки ты знаешь? Я ответил, как есть.

— Ну, а с работой матроса справишься, как думаешь?

— "Да уж не подведу, — говорю, — ходил в море и в одиночку, и с другими рыбаками.

Тогда человек снова повернулся к капитану и произнёс:

— Юнга бы нам сгодился, а это малый вполне подходит для такой работы...

— Нет! — прорычал капитан. — Мы уже наняли одного парня, второй нам не нужен.

Спорить с капитаном его помощник не стал — он только развел руками: мол, что ничего не поделаешь...

Страшно расстроенный, я повернулся и сошел с корабля,

Все пропало! Оставалось одно — взять снасти и вернуться к своим рыбам, привычной своей работе.

Так я и сделал.

В море впадала река, которая славилась неплохим уловом — там я рассчитывал обосноваться. Но река, мне сказали, обмелела, и рыбы не стало.

Тогда я договорился с одним рыбаком, подлатал его старую лодку, прихватил сети и на следующее утро, лишённый всяческих надежд, вышел прямиком в открытое море.

Всякий опытный моряк назвал бы мой поступок самоубийством: отправиться в море на такой посудине, как эта, никто не решался. Но я так отчаялся, что махнул на всё рукой.

Была, не была!

Проплавав несколько часов и ничего, не поймав, я уже собирался направиться к берегу, как вдруг небо потемнело. Птицы у меня над головой, предвещая непогоду, стали громко и тревожно кричать. В какие-то пять минут море взволновалось.

Начался шторм!

Подул резкий ветер, волны раскачивали мою бедную лодку, как скорлупку, будто желая разбить её вдребезги.

Небо словно разломилось надвое — раздался жуткий гром. Вспыхнула молния. И в это время новая волна, выше прежних, подняла мою лодку, подкинула её. Перед глазами всё закружилось, и я не заметил, как оказался в воде.

Отчаянно барахтаясь среди волн, я оглянулся, пытаясь найти лодку — её нигде не было видно, должно быть, пошла сразу ко дну. Зато в свете молнии показался невдалеке силуэт корабля, и я изо всех сил поплыл по направлению к нему.

— Человек за бортом! — раздался тут голос.

Это было последнее, что я услышал перед тем, как потерять сознание...

Ученик капитана

Очнулся я в просторной каюте.

Вокруг стояла мёртвая тишина, и я сначала подумал, что оглох.

Открыл глаза, вижу: вокруг меня трое. Первый из них — толстый усатый джентльмен, видимо, старый моряк, похожий на боцмана. На нём туго сидела, треща по швам, сильно поношенная тельняшка, а на правой руке виднелась татуировка в виде огромного якоря. Он с нескрываемым интересом рассматривал меня, как какого-то дивного зверька. Второй был невысокого роста, сухонький, чисто выбритый человек, одетый в белый халат. За стеклами очков — взгляд умных, внимательных глаз. Без сомнений, то был врач.

Я попытался встать, но он уложил меня обратно, сказав негромко:

— Ну-ну, лежите, молодой человек. Вам пока нельзя подниматься.

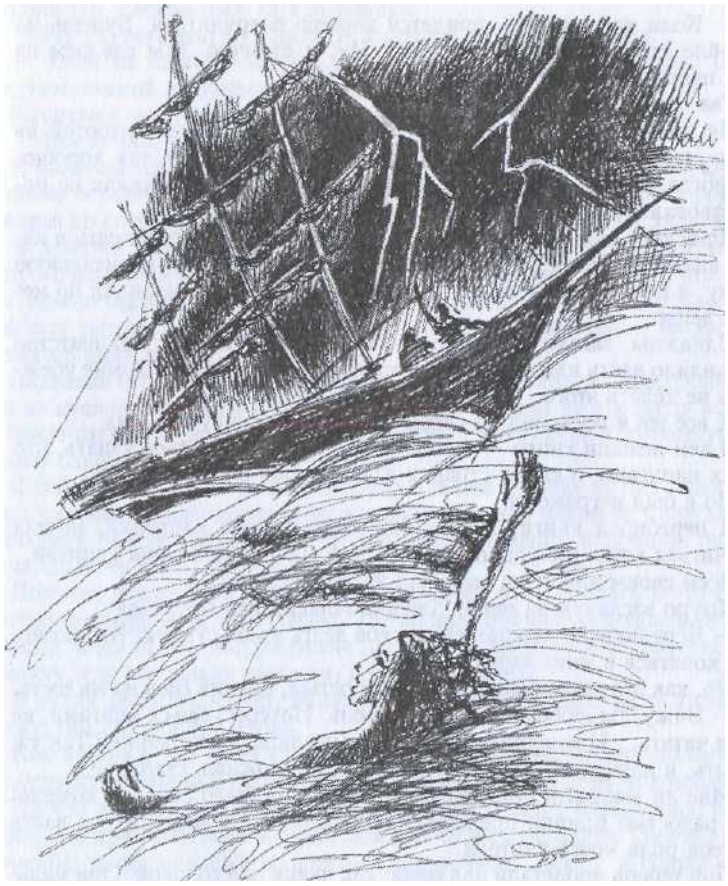
Покорно улёгшись, я обратил внимание на третьего члена экипажа, мальчишку лет десяти, стоявшего рядом с взрослыми. Из разговора я понял, что он внук капитана...

Через неделю, придя в себя, я покинул надоевший лазарет и поднялся на палубу.

Оглядев судно, я увидел, что оно довольно крупное.

— Как называется корабль, и куда вы держите путь? — спросил я у какого-то матроса.

— Корабль наш «Патриот», а направляемся мы в Америку, — услышал в ответ.



Сказав так, матрос быстро и ловко, как обезьяна, стал карабкаться куда-то вверх по веревочной лестнице. Тут меня позвали к капитану.

— Добро пожаловать на «Патриот»! — сказал он, едва я появился на пороге каюты. — Тебе уже сказали, в какую передрягу ты угодил на море? Твою посудину, парень, перевернуло и, опоздай мы на минуту, ты точно пошёл бы ко дну.

Капитан был не очень-то приветлив, но затем заговорил помягче.

— Вижу, везучий ты парень. Получил отказ от самого Джеймса Ливертайера, и потом — бац! — угодил преспокойно на его корабль и плывёшь в Новый Свет, куда собирался. Верно? Молодец, шустрый малый. Как там тебя зовут?

— Бенджамин, сэр. Бенджамин Уолтер к вашим услугам, — с достоинством ответил я.

— О, да ты, я вижу, настоящий джентльмен! — на суровом лице капитана впервые возникла улыбка. Он разразился хриплым смехом, а в глазах его зажглись живые искорки, которые, впрочем, быстро угасли.

Отсмеявшись, Джеймс Ливертайер набил свою трубку, закурил и произнёс:

— Коли хочешь есть, придется хорошо потрудиться. Будешь на корабле вторым юнгой. Согласен? Ну, и отлично. Мы сделаем из тебя настоящего матроса.

Так оно и получилось.

Не прошло месяца, как я справлялся с корабельной работой не хуже любого матроса. Обязанностями юнги я овладел так хорошо, что когда заболел и слёг мой напарник, команда этого никак не почувствовала...

Но вскоре обязанности сменились: мне поручили прибирать в каюте капитана. Каждый день, когда тот поднимался в капитанскую рубку, я появлялся в его жилище, вытирал пыль, расставлял по местам вещи.

Однажды, заглянув под койку, я заметил сундук. Любопытство заставляло взять ключ и открыть его, а совесть и благоразумие убеждали не делать этого.

И всё же я поступил по-своему, открыл крышку сундука.

В нём лежали книги — много книг. Как мне хотелось узнать, что в них написано, о каких странах и людях они рассказывали!

Но я был неграмотен.

Я перебирал книги, листал их, рассматривал картинки, мечтая выучиться когда-нибудь читать, и вдруг на пороге возник капитан.

Всем своим видом он выражал недовольство.

Хмуро взглянув на меня, Джеймс Ливертайер проревел:

— Чёрт побери, кто разрешил тебе лезть в мой сундук! Кто позволил копаться в моих книжках!

Но, как это часто бывало, капитан остыл, сменив гнев на милость.

— Вижу, ты любознательный парень. Интересуешься книгами, не умея читать... И наверное, ничего не смыслишь в географии? Так уж и быть, я научу тебя кое-чему, если ты приложишь старание.

Мне ли занимать прилежания! Его у меня было, сколько хочешь! Я с радостью принял предложение капитана, согласившегося взять на себя роль моего учителя.

Дни теперь пролетали для меня, как чайки над головой. Они мелькали, добавляя новые и новые знания. Капитан меня выучил читать, писать и ориентироваться в море. С его помощью я стал хорошо понимать морские карты.

Да, я был прилежным учеником и ни разу не давал повод капитану к недовольству.

* * *

Как-то раз мы высадились на острове, чтобы пополнить запасы пресной воды и продовольствия.

— Вот, Бенджамин, ты и попал на Канарские острова, которые я тебе показывал на карте. Посмотри, как здесь здорово. Помнишь, я рассказывал об этих местах? — сказал капитан, показывая красоты острова так, словно был их владельцем.

— Ну-ка, вспомни координаты, скажи, где мы находимся.

— Если не ошибаюсь, сэр, 28 градусов восточной широты, 15 градусов южной долготы, — ответил я.

Капитан улыбнулся и потрепал меня по плечу.

— Все точно. Молодец!

С нами высадилась небольшая часть команды, десять человек, остальные остались на корабле и ждали нашего возвращения. Мы разбрелись по острову, проникая в лесные заросли всё дальше и дальше.

Я заметил, что на острове множество птиц. Это были пёстрые попугайчики — маленькие жёлтые пичуги, которых во многих странах можно было приобрести только за

большие деньги, а здесь они повсюду летали свободно, и местные жители не обращали на них никакого внимания.

Захватив с собой разные вещицы, мы выменивали их у островитян на сушеные фрукты и мясо. Деньги здесь были не в ходу, а вот за какое-нибудь зеркальце можно было получить, скажем, огромную связку бананов.

С собой у меня было несколько таких вещей. И одну из них, когда пора уже было возвращаться на корабль, я отдал какой-то старухе. Торговать она не собиралась, ничего у неё не было, и пришла она сюда, должно быть, просто из любопытства.

Получив нежданный подарок, старуха даже прослезилась и что-то быстро заговорила на своем языке. Потом знаками велела подождать и исчезла, а когда мы, нагруженные провизией, собрались отправиться к берегу, где нас ждали шлюпки, появилась снова.

В руках её был предмет, похожий на свиток. Отозвав меня в сторонку, она заговорила вновь.

Как я понял, это была карта и досталась она мне, видно, потому, что старуху тронул мой поступок. И она отблагодарила меня, как могла.

Но что за карту она мне вручила, я понял, лишь оказавшись на корабле и пристально ее изучив, запершись в своей каюте. Значки и символы, изображенные на свитке, показывали дорогу к сокровищам. И находились они в Южной Америке!

Выбравшись на палубу, я кинулся к капитану, чтобы уточнить маршрут корабля. Джеймс Ливертайер охотно показал мне его по судовой карте.

«Патриот» должен был пересечь экватор и направиться к южной части материка, а сокровища, как я понял, следовало искать на западе, в Андах. Но как туда попасть, оставаясь на корабле, который вовсе не собирался обогнуть материк?

Об этом я размышлял постоянно, и во время работы, и на отдыхе, и всё же ничего путного мне в голову не приходило...

Встреча с пиратами

Так бы я и остался на корабле простым юнгой, но судьба распорядилась иначе. Где-то у берегов Африки, куда мы заходили для пополнения запасов продовольствия и воды, капитан заболел малярией и слёг. Болезнь протекала тяжело, капитану становилось все хуже — он уже совсем не вставал с постели. Силы покинули его.

И вот в один из дней, собрав команду, он объявил, что не может больше управлять кораблем.

— Впереди долгий путь, вам нужен новый капитан, — сказал он. Матросы зашумели, заговорили разом, но Джеймс Ливертайер взмахом руки будто обрубил весь шум.

— Тихо, я ещё не договорил. Да, кораблю нужен новый капитан. Молодой, умный и находчивый. И я думаю, не будет ошибкой, если капитаном станет...

В наступившей тишине был слышен всплеск волн о борт корабля.

— ...Бенджамен Уолтер. Тихо! — слабым голосом оборвал он новый гомон. — Я знаю, что говорю. Конечно, он юнга и ещё очень молод, зато умён и знает, как вести корабль, лучше других. Я сам обучал его морской науке — у Бенджамена хорошая память и большие способности. Теперь он знает, наверное, не меньше моего.

Продолжать плавание больной и слабый Ливертайер не смог. На первом же судне, шедшем навстречу, он отправился обратно, надеясь попасть в скором времени домой. Его внук Джим остался на корабле: суровая морская работа, видать, его ничуть не сломила,

Распрощавшись со своим учителем, я принял командование кораблем на себя. Команда возражать не стала: старик Ливертайер, хоть и был вспыльчив, пользовался у всех большим уважением...

Став благодаря случаю капитаном, я решил изменить маршрут корабля. Теперь мы двигались к побережью, рассчитывая обогнуть материк и подойти к западным берегам.

Однажды утром, выйдя на палубу, я заметил, как в море возле корабля «прочерчивает» воду огромная тень. Поначалу все было спокойно, но вдруг вода забурлила, и на поверхности

показалось что-то чудовищное: на наших глазах из воды вырастали отвратительные гигантские щупальца. И тут же стала всплывать огромная туша кита,

— Смотрите, смотрите! — закричали матросы, подбежав к борту корабля. — Там кашалот сражается со спрутом!

Зрелище было захватывающим и отталкивающим одновременно. Ужасный поединок заставил всех оцепенеть.

Спрут, обхватив своими уродливыми щупальцами кашалота, крепко сжал его в «смертельных» объятиях, но справиться с китом ему не удалось. Результат схватки сомнений ни у кого не оставлял.

Вода в том месте, где сражались чудовища, окрасилась кровью, и, взмахнув хвостом, кашалот потянул мёртвого врага под воду.

Долго потом это событие заставляло о себе говорить, но потом команда успокоилась, и вновь потянулись «бесцветные» морские будни.

Через сколько-то дней один из матросов обнаружил на горизонте приметную точку. Взяв у него подзорную трубу, я вгляделся и ахнул:

— Боже праведный, да ведь это пираты!

— Неужели?

— Взгляни на флаг, видишь череп и кости? Ну, какая это «масть»?

— Пираты! — закричали матросы. Страшная весть мигом облетела корабль.

Я скомандовал приготовить пушки, доставить на палубу ядра и все необходимое.

— Приготовиться к бою! — приказал я команде, хотя прекрасно видел, что пиратский корабль превосходит размерами наше судно, и понимал, что вооружён он лучше нашего. Кроме того, я знал, что пираты — ловкие и сильные бойцы, справиться с которыми будет непросто. И численный перевес наверняка был на их стороне.

Нужно было что-то придумать. Но что?

Тем временем оба корабля заметно сближались.

Я приказал поднять белый флаг, чтобы показать готовность к переговорам. В то же время другой матрос, стоя на палубе, стал махать флажками, чтобы у пиратов не осталось сомнений в наших намерениях.

«Если они откроют огонь, я прикажу открыть ответный», — подумал я, напряженно вглядываясь в пиратский корабль. Он уже приблизился настолько, что можно было прочесть его название: АЛЬБАТРОС.

Когда оба корабля подошли друг к другу вплотную, к нам пожаловали гости. То был главарь пиратов в сопровождении своих головорезов.

— На вашем корабле мы заметили английский флаг, — улыбаясь, сказал морской волк. — Куда же идёт ваш корабль, по какой такой надобности. И как поживает Её Величество королева Англии?

На все вопросы я отвечал, с осторожностью подбирая слова, чтобы не выдать больше, чем следовало знать пиратам.

Но неожиданно для меня разбойники согласились помочь. Мы заключили с пиратами союз, предложив воспользоваться их «военной силой», чтобы расплатиться после того, как будут найдены сокровища.

После того, как мы наняли пиратов в свою охрану, можно было преспокойно бороздить море, никого не страшась, ибо они были опытными моряками и закалёнными в сражениях людьми...

* * *

Около месяца «Патриот» шёл заданным курсом под слабым ветром. По расчётам, которые сделал Джеймс Ливертайер, до цели маршрута оставалось несколько дней пути. Но никаких признаков суши на горизонте не было — он оставался чист.

Потом мы попали в сильнейший шторм. Случилась такая буря, что корабль наш лишь чудом уцелел.

Когда все утихло, и мы привели в порядок паруса и снасти, оказалось, что пиратский корабль пропал. Пираты, как известно, очень независимы и непредсказуемы. А может, у них был какой-то план...

А берега всё не было видно. Я уже начинал сомневаться в правильности расчётов, как вдруг однажды услышал о приближении земли.

Так и есть! Схватив подзорную трубу, я увидел вдалеке зелёный берег, густой тропический лес.

— Земля! — продолжал кричать вперёдсмотрящий. — Я вижу землю!

На всех парусах наш корабль входил в прекрасную лагуну.

По мере приближения берег «распахивал» свои красоты все больше: перед нами открылась чудесная, сказочная страна. Та, о которой я мечтал и ради которой отправился в это долгое и опасное путешествие.

От мысли обогнуть материк, чтобы выйти к горам, пришлось отказаться. Мне посоветовали сделать иначе: пересечь его по реке, сэкономив, таким образом, немало времени и сил.

Пробраться внутрь материка по реке, которая впадала в океан, решили мы, не составит, наверное, большого труда. Время от времени матросы измеряли глубину реки и докладывали, что двигаться дальше не опасно.

Наш «Патриот» продолжал осторожно плыть по Амазонке — наперекор её мощному течению.

Мы не уставали восхищаться чудесными видами. Разглядывали с изумлением берега, покрытые джунглями, где обитали, по слухам, тысячи невиданных существ.

Как-то раз, высадившись на берег за водой, матросы доставили на борт маленького забавного зверька. Он был покрыт рыжей шерстью, имел на передних лапах пять пальцев и разглядывал нас, похоже, с таким же удивлением, что и мы его.

Давно я слышал об обезьянах, а видеть вблизи не приходилось ни разу.

Обезьяны словно сопровождали корабли, ловко прыгая вдоль берега по лианам, перелетая с ветки на ветку на большие расстояния.

— Река мелеет! — донесся тут голос Джима, которому поручено было следить за глубиной.

Если пройти вперед на несколько миль, можно запросто посадить корабль на мель, подумал я, и приказал спустить на воду шлюпки.

Оставалось решить, кто отправиться на сушу.

Посовещавшись, мы решили разделить команду па три части. Первая отправится на поиски сокровищ, вторая будет обследовать берега, а третья останется на корабле.

Так мы и сделали.

В лесах Амазонки

Расставшись, мы с несколькими матросами высадились на шлюпку и двинулись дальше вдоль берегов густого тропического леса.

Вскоре, остановившись на привал, мы увидели индейца, который охотился в лесу. Я подарил ему безделушку, а он дал дельный совет:

— Ни за что не гребите руками и не окунайте тело в воду. — перевёл один из матросов, знавший местный язык. — Там живут накатуми!

— Что за накатуми? — допытывались мы, но индеец только делал страшные глаза и с ужасом что-то лопотал на своём наречии.

Тем не менее, я послушал совета и велел грести вёслами, не окуная рук. Что было нелегко: в такую духоту хотелось смачивать лицо водою. Жара и проклятые насекомые донимали нас порядком!

Больше всех хотел окунуться в реку наш тучный боцман, который страдал от жары особенно сильно, но я запрещал ему это сделать.

Но вот, улучив момент, боцман не выдержал, достал носовой платок и окунул его в воду. На лице его была торжествующая улыбка: «Видите, ничего страшного не произошло!». А

когда достал платок, все мы невольно вскрикнули: на конце платка висела, уцепившись зубами, небольшая верткая рыбка.

Она яростно рвала материю. И боцман тут же бросил платок в реку, представив, что было бы с его рукой.

Оказавшись в воде, рыба не отпустила платок. Но тут на нее налетела сотня таких же, как она, рыбёшек и в мгновение разорвала её на куски.

— Так вот кто такие накатуми! — воскликнул я. — Это же пираньи, я читал и слышал о них.

Увиденное так поразило нас, что примеру боцмана никто больше не следовал.

Прошло сколько-то времени, и мы увидели, что берега изменились. Растительность уже не была такой густой и дремучей, вдали показались горные вершины.

Мы поняли, что попали в самое сердце Южной Америки.

В основное русло здесь впадал приток, мы свернули туда, проплыли немного. Затем втащили шлюпку на берег, спрятали в кустах и двинулись пешком.

После морского плавания и речного путешествия, когда мы сидели в шлюпке, дорога показалась нам утомительной. Через каждые два часа мы делали привал.

Как-то раз на привале один из нас, проснувшись, услышал над ухом знакомое шипение.

— Не двигайся! — приказал ему Джим. — На тебе огромная змея! Все мы мгновенно вскочили на ноги. Но никто не знал, как поступить.

— Да, не делай резких движений, — сказал я, зная об этом из книг.

Тяжелая и длинная змея между тем обвилась вокруг шеи матроса, грозя задушить его в «объятиях». И тут произошло то, чего никто не ожидал. Маленький Джим выхватил мачете, которое выменял у индейцев на бусы, сверкнула сталь, и голова анаконды упала на землю.

Решив впредь быть осторожней, мы двинулись дальше.

Идти было нелегко. Высокие деревья не пускали солнечный свет, в лесу постоянно царил полумрак.

То и дело я доставал карту и сверялся по ней, правильно ли мы движемся. Вроде бы сомневаться не приходилось, но что-то подсказывало мне, что мы сбились с пути.

В конце концов, так и оказалось. На одном из привалов, вглядевшись в карту, я понял, что предчувствие меня не обмануло.

— Тише! Кто-то за нами следит, — негромко вскрикнул тут боцман.

Приглядевшись, я увидел, что поблизости действительно кто-то есть.

— Бог мой, да это же ягуар! — вскричал я. — Он охотится за нами!

Со всех сил мы бросились бежать. За нами слышались мягкие прыжки зверя, который настигал нас с каждой секундой.

Тяжёлый неповоротливый боцман и юный Джим не поспевали за нами. Я повернулся и кинулся к ним, чтоб не оставить в беде, как вдруг что-то просвистело по воздуху.

Страшно зарычав, леопард прекратил погоню: из шеи его торчала стрела. Другая впилась в тело сбоку.

Раненый зверь, огромная лесная кошка, скрылся в лесных зарослях. А вокруг нас появились какие-то люди с раскрашенными лицами и с луками в руках.

Каково же было удивление, когда мы увидели, что среди них нет ни одного мужчины. Сомнений не оставалось, то было племя амазонских охотниц, о котором я когда-то слышал.

Неустрашимые воительницы настроены были решительно: нас захватили в плен.

* * *

Правила племенем амазонка в богато украшенной одежде — к ней нас и подвели, сказав: «Эти люди испортили нам охоту!».

Какое-то время владычица с интересом рассматривала нас, чужаков, потом спросила, зачем мы явились. Обманывать мне не хотелось, я выложил всё начистоту.

Услышав ответ, она страшно рассердилась и добавила, что сокровища принадлежат Великому Духу Йоро, а племя их охраняет.

— Вы пришли за тем, что вам не принадлежит, и за это будете наказаны, — услышали мы приговор. — Вас принесут в жертву Духу Йоро, дабы он смирил свой гнев и не послал на нашу землю проклятия.

Сказав это, царица амазонок сделала рукою знак, круг воительниц сомкнулся, и нас куда-то повели. Вскоре мы оказались в большой мрачной пещере, у входа в которую расположилась охрана.

Все понимали: положение было смертельно опасным, следовало что-то придумать. Но что?

Измученная переходом и страхами, команда моя уснула, а я всю ночь не сомкнул глаз, думая, как быть.

На рассвете раздались громкие голоса, застучали барабаны. Всё племя поднялось на ноги, чтобы приготовиться как надо к жертвоприношению.

Алтарь амазонок находился в священном храме, который, честно говоря, мало отличался от прочих хижин. Разве что был чуть покрупнее да украшен связками сушёных фруктов. На самом верху мы заметили вырезанную из дерева голову крокодила, которого в этих краях почитали особенно сильно, считая своим покровителем.

Нас крепко связали и потащили в храм.

— Интересно, кто научил этих дикарей так красиво вырезать по дереву? — сказал Джим.

Мне, конечно, понравилось, что в этой ситуации он не теряет чувство юмора, но было не до шуток.

Нас привели в храм и принялись разрисовывать наши лица и спины красной краской. Получился рисунок, напоминающий кожу крокодила — такой здесь был обычай.

По обе стороны алтаря запылали два факела, а сам алтарь амазонки обильно полили жертвенной кровью животных.

Теперь там должна была пролиться и наша кровь.

И тут в голове у меня мелькнула счастливая мысль. Амазонки, какими бы хорошими воинами они ни были, остаются женщинами, а значит, неравнодушны к украшениям.

Своей мыслью я поделился с друзьями.

Услышав меня, амазонки насторожились: наверно, подумали, что я посылаю им заклятия. Из толпы воительниц вышла одна, которая понимала немного английский язык.

— Стойте! — воскликнул я. — Не спешите с жертвоприношением. Дух Йоро разгневается, если мы похитим его сокровища, это верно. Но ведь он не будет против, если мы выменяем их на другие, ещё более ценные сокровища.

По знаку главной амазонки мне развязали руки, и я достал из кармана стеклянные бусы, которые мы брали с собой как раз для обмена. К счастью, таких стекляшек у нас оказалось с собой не так уж и мало. Мы подарили их амазонкам, пояснив, что главные наши «богатства» остались на том месте, где разбили в последний раз лагерь. По всему было видно, что вещи и слова наши произвели на воительниц благоприятное впечатление. Посовещавшись, они объявили, что сделка, предложенная нами, несомненно, понравится Великому Духу.

Дело оставалось за малым: произвести обмен.

Амазонки указали точное место, где было спрятано золото древних инков, а мы, в свою очередь, дали племени почти всё, чем владели. Да вдобавок научили охотниц, плохо разбиравшихся в строительных, делах, сооружать крепкие и надежные бревенчатые хижины. Недавние пленники вели теперь себя, как гости, а люди, едва не ставшие палачами, превратились в радушных хозяев.

Набравшись сил, мы простились с амазонками и двинулись в путь. Предстоял утомительный и долгий переход через Анды — туда, где в месте, отмеченном на старой карте, хранился чудесный клад...

Морское сражение

Сколько дней мы блуждали по горным тропам, то, спускаясь в ущелье, то, поднимаясь к вершинам, сказать, не могу. Может, пару недель, а может, и больше. Все мы устали настолько, что время для нас как бы остановилось. И все же мои друзья с достоинством переносили испытания.

Судя по карте, пещера, где находились сокровища, была теперь где-то рядом. На это указывали многие приметы, но обнаружить её оказалось непросто.

Чтобы облегчить поиски, я разделил нашу небольшую группу на два отряда, и каждый отправился по своему маршруту. Советы амазонок нам очень пригодились — не знаю, удалось бы нам достичь цели, пользуясь лишь картой.

И вот в один из дней мы подошли к скрытой от глаз пещере — там, где-то глубоко внутри, хранились сокровища древних инков.

Мы зажгли факел и двинулись вперед. Но не прошли и сотни шагов, наткнулись на воду. Озеро! Дождевая вода, просачиваясь сквозь камни, образовала здесь за многие годы настоящее подземное озеро. Будто в насмешку над теми, кто устремится сюда, обладатели сокровищ упрятали их совсем рядом, но в самом недоступном месте.

Как добраться до клада?

Пока мы обсуждали, маленький Джим уселся у самой воды и, скуки ради, начал копать в земле ямку.

И тут меня осенило.

— Джим, ты молодчина! — закричал я. — Теперь я знаю, что нужно делать... Мы прорoем канал, вода уйдёт, и обнажится дно.

Каждый вооружился, чем мог, и принялся копать землю. Работа продвигалась медленно, но так или иначе канал мы всё же прорыли, и вся вода, как я и предполагал, перетекла в другое место.

Там, где веками стояла глубокая вода, появилось болотце, в которое мы бросились, чтобы продолжить поиски.

Они оказались недолгими. В самом центре бывшего озера чья-то лопата звякнула от удара о железный предмет.

— Ура!! — закричала команда.

Да, тяжёлый окованный медью ящик, который мы достали, был полон старинных золотых и серебряных монет, жемчужных украшений и других драгоценностей. То было сокровище древнего племени, охраняемое Великим Духом Йоро.

* * *

Захватив с собой небольшую часть богатств, и надежно упрятав сундук с сокровищами, мы отправились назад.

Дорога обратно показалась вдвое короче.

Вскоре мы вышли к берегу реки, где без труда нашли вторую часть нашей группы, и вернулись на корабль.

Там мы узнали, что команда, оставшаяся обследовать берег, заблудилась в тропических лесах, но всё кончилось благополучно. Матросам помогли местные жители, индейское племя, которое оказалось радушнее, чем амазонки.

Когда вся команда собралась-таки на корабле, мы приготовили припасы и поплыли домой.

Старым путем «Патриот» вышел по реке к океану, поднял все паруса. Океанские просторы нас встретили, как старых друзей, тёплом и ласковым попутным ветром.

Мы плыли, не встречая препятствий, несколько дней, пока однажды впередсмотрящий на мачте не крикнул:

— Капитан! Там, вдали, я вижу корабли!

Схватив подзорную трубу, я увидел на горизонте несколько крупных военных фрегатов, мчащихся нам навстречу на всех парусах.

Послышался грохот, в нашу сторону полетели пушечные ядра. Мы открыли ответный огонь, но силы были слишком неравными.

Когда атакующие корабли приблизились, мы увидели, что это были испанцы. Мы поняли, что ничего хорошего нам ожидать не приходится.

Но счастливая наша звезда, видно, ещё не закатилась. Вдруг, откуда ни возьмись, как Летучий Голландец, появился парусник и стал палить из пушек в наших врагов.

Сначала один корабль, за ним другой, третий развернулись и поплыли в сторону. Ввязываться в бой явно не входило в их планы.

Кто же пришел нам на помощь?

Корабль, на главной мачте которого развевался зловещий флаг: пираты! Морские волки, с которыми много дней назад мы разошлись в море. Если бы не они, «Патриот» уже лежал бы на морском дне, и рыбьи стаи кружили бы там, где мы, стоя на палубе, приветствовали наших старых знакомых.

Как же рано мы радовались! Когда пушечный дым рассеялся, оказалось, что ушли не все корабли — два из них приблизились к нам почти вплотную. Стукнулись друг о друга борта, враги взяли «Патриот» на абордаж.

Мои матросы дрались не хуже испанцев, я видел, что нас им не одолеть. Но тут на меня бросились несколько человек, скрутили мне руки и потащили.

Всё получилось так быстро, что никто даже не смог вмешаться. Через минуту я находился уже на борту чужого корабля. Попытался сопротивляться, но получил такой удар, что рухнул без чувств на палубу...

Очнулся я оттого, что кто-то лил на меня из ведра воду.

Оказалось, что лежу я на земле. Как я помнил из карты, то был небольшой испанский остров, лежащий неподалеку от места, где произошел бой.

Меня грубо подняли на ноги и отвели в здание, на окнах которого виднелись толстые решётки. Весь вид здания, толстые каменные стены и окружавшие его высокие ворота — всё говорило о том, что из этой тюрьмы ещё никто никогда не сбегал.

Дорога домой

Когда двери за спиной с жутким грохотом закрылись и глаза привыкли к полумраку, я увидел, что нахожусь в тюремной комнате не один. В ней были люди — несколько человек. Они бросились ко мне, усадили на нары, стали расспрашивать.

Вскоре я знал уже всех, кто угодил со мной в заточение.

Должен признаться, то была великолепная компания! Мне посчастливилось свести знакомство с известными людьми, которые все до единого были моими соотечественниками, англичанами.

Тут находились бравые моряки и торговцы товарами, и знаменитые ученые, отправившиеся в экспедицию. Все они были захвачены в плен и объявлены врагами испанской короны: испанцы одни хотели властвовать у берегов Южной Америки.

Конечно, общество было самым приятным, я без конца расспрашивал этих людей обо всём, что представляло интерес. И всё же тревога не покидала меня ни на минуту: оказаться здесь означало верную гибель.

Так прошёл месяц или около того. Мне уже казалось, что ничего в моей судьбе не измениться, и я стал готовить себя провести остаток своих дней в тюремной камере, как вдруг произошло одно событие.

Если мне суждено будет прожить тысячу лет, то и тогда я не забуду того, что случилось.

В один из дней, когда мы, по обыкновению, вели неспешные разговоры, послышался какой-то гул. Земля задрожала, небо в окне потемнело, затянулось дымным туманом.

— Что это? Что происходит? — раздались голоса.

— Скорее всего, землетрясение, — ответил я. — На нашем острове проснулся и «заговорил» вулкан...

Кто-то радостно закричал, ожидая скорое освобождение, его радость, однако, мало кто поспешил разделить: тюрьма в любую минуту могла превратиться в нашу общую могилу. Оставалось надеяться на чудо и... на крепость тюремных стен, которые могли выдержать подземные удары и сдержать потоки раскалённой лавы. Так оно и оказалось.

Все, кто находились за пределами старых прочных тюремных стен, во время извержения вулкана погибли. Все испанские завоеватели, на совести которых, мы знали, было немало преступлений. Казалось, сама природа отомстила испанцам за причиненное ими зло...

Несколько дней мы ждали, пока всё успокоится и лава застынет. Но вот самое страшное осталось позади, и я со своими друзьями покинул спасшее нас, чудом уцелевшее здание. Перед нами предстала мрачная картина: на месте цветущей некогда долины простиралось мёртвое пространство из пепла, камней и застывшей лавы.

Наш небольшой остров теперь никто бы не узнал. Вулкан уничтожил его большую часть, погибло много животных и деревьев. Оставаться здесь значило погибнуть от голода — мы это хорошо понимали, но понимали и другое: покинуть остров было невозможно.

Из обломков деревьев мы разложили огромный костёр. На него была вся надежда: рано или поздно огонь увидят плывущие вдалеке корабли, подойдут к берегу и спасут нас.

В ожидании прошло несколько дней.

Как-то ранним утром я проснулся от громких криков: мои товарищи, сняв рубахи, махали ими над головами, призывая корабль.

Через час все мы оказались на его борту. Нам повезло вдвойне: судно направлялось к британским островам — туда, куда нам и следовало держать путь…

Спросите, что было дальше?

В порту меня ждал старый добрый «Патриот». Изрядно потрёпанный штормами, с порванными парусами, он стоял на самом краю, среди таких же видавших виды кораблей.

Не буду описывать встречу. Чёрт возьми, нам было о чём поговорить!

Старые друзья верили, что я вырвусь из плена и вернусь. Они терпеливо дожидались своего капитана, неспешно «подлечивая» наш парусник.

Конечно, команда могла бы разделить сокровища поровну и разойтись, но осталась верна нашей дружбе. И я, скажу честно, был этому необыкновенно рад!

Одна только мысль не давала покоя и тропила снова отправиться в путь: тревога за родителей.

Попрощавшись со всеми, я взял свою долю богатств и вернулся в родные места, где кое-кто давно уж считал меня погибшим. Там я внёс выкуп за отца, вызволил его из тюрьмы, а мать определил на лечение в лучший пансион.

Потом купил новый дом и исполнил свою старую мечту: обзавёлся собственным кораблём. С моим морским опытом и удачей, которая не покидала меня, наши дела теперь пошли в гору.

Вот, кажется, и вся история.

Ах, да, чуть не забыл. За то, что в схватке с испанцами я не посрамил чести британской короны, Её Величество королева Англии наградила меня Почётным орденом. Он и теперь висит у меня на стене в капитанской каюте, напоминая о славном путешествии к сокровищам инков...

Содержание

Анастасия Ануфриева *(6 «Б» класс гимназии № 6, участница четырёх из восьми ежегодных областных фестивалей детского и юношеского литературного творчества, неоднократный призёр и финалист оных, а однажды — победитель)*

«В нашем мире за гранью были...»; Сотворение мира.....5

«Кто мёртв, кто жив — едино всё у нас; «Я иду по дороге...»; «Ах, скольким людям надоела кутерьма...».....6

«Нет финала творенью...»..... 7

«Чёрный маг в чёрной одежде...»; «Ночь холодна...»; «Я — сои, я — тень...».....8

«Время оваций, время нашествий...»; «Тихо. Ночь. Лежу в постели...».....9

«Чистотой колокольного звона...»; «Пегас дряхлеет...»; «Серебряная капелька росы...».....10

Олеся Головацкая *(11 «Б» класс гимназии № 6, участница пяти из восьми областных фестивалей детского и юношеского литературного творчества и руководитель творческой мастерской на последнем, неоднократный финалист и призёр, победитель, лауреат специального диплома «За профессионализм»)*

Зеркала *(Рассказ)*.....11

Весенняя несуразица; Ностальгия 16

Нищенке; Повторения.....17

Сумасшедшее.....18

Сергей Гужихин *(8 «Б» класс школы № 34, призёр восьмого областного фестиваля детского и юношеского литературного, творчества)*

Всё сначала *(Фантастический рассказ)*.....19

Ученик *(Фантастический рассказ)*.....21

Анна Ляпкова *(3 курс исторического факультета ТГПУ, участница пяти областных фестивалей детского и юношеского литературного творчества, неоднократный призёр и финалист)*

Юбилей *(Фантастический рассказ)*.....23

Потерянная; «Я знаю: когда ты придёшь...»; «Однажды от людей уйма Правда...».....33

Елена Маланина *(9 «Е» класс школы № 12, участница четырёх областных фестивалей детского и юношеского литературного творчества, неоднократный призёр и финалист)*

«Дождь пошёл…»; Закат; «Безумное чувство срывает с петель…»; «Стою на задних лапках...».....34

«Из плена душных квартир...».....35

Самоубийца; «Разрубив ожиданья узлы...»; «Слезам не смыть с истерзанного сердца...»; «Словно листик, подхваченный ветром...».....:..... 36

Алиса Попова *(7 «А» класс лицея № 7, участница четырёхобластных фестивалей детского и юношеского литературного творчества, неоднократный призёр и финалист)*

Домовой; Проза.....37

«Русалку вынесло на берег...» 38

Памятник; «Рояля сладостные звуки...»; «Ты спишь, как ангелочек...»; «Сердце крылья обретает...» 39

Бригантина надежды 40

Долина Яркого солнца *(Рассказ)* 40

Евгений Ткачев *(3 курс исторического факультета ТГПУ, участник четырёх областных фестивалей детского и юношеского литературного творчества, неоднократный призёр)*

Мечтатель *(Рассказ-миф)*.....42

Татьяна Трифонова *(10 "А" класс общеобразовательного лицея г. Ссверска, призёр седьмого областного фестиваля детского и юношеского литературного творчества)*
Здесь есть причал; «Меня воспевают
чужие трубы...»; «Пару раз пара взглядов...».....48
«Не надо безумных истерик...»; «Где-то
на небе...»; «Нужда идти куда-то дальше...» 49
«Дождь заставил опять распахнуть зонты...»; «Хлопнет окно
в пустоте...»; «Сутки оттикают голосом старой кукушки...».....51
Оставляй; «Ты сидишь, обхватив колени...».....52
Елена Шомас *(10 класс гуманитарного лицея, участница трёх областных фестивалей детского и юношеского литературного творчества, неоднократный призёр и финалист)*
Чем на самом деле мы моем посуду? *(Рассказ)*.....53
Илья Юшковский *(9* «б» *класс Заорзериого архитектурно-художественного лицея, участник двух областных фестивалей детского и юношеского литературного творчества, дважды призёр)*
Золото инков *(Рассказ)*.....57

© Авторский коллектив. КАК ХОРОШО БЫТЬ СЛОНОМ...

Отпечатано с оригинал макета в типографии издательства "Пеленг" Сибирского института развивающего обучения
(Лицензия ИД №04331 от 23.03.2001)
634050, Россия, г. Томск, пер. Нахановича, 3.
Тел. (3822) 512736, 514118 (т/ф).
634055, г. Томск-55, а/я 3993, "Пеленг".
E-mail: peleng@education.tomsk.ru

Подписано к печати 07.09.2002г.
Заказ № 7/09-2.
Бумага офсетная №1.
Ризография.

Усл.-печ. листов 4,75
Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$
Гарн. Times.
Тираж 250.